

10 Května 1932. **Volné Kozáctvo** Ročník V.

104

10-го мая 1932 г. 10-го травня 1932 р.

ПРАГА PRAHA

ГОД ИЗДАНИЯ 5-ый РІК ВИДАННЯ 5-ий

Н. Тимон

СОДЕРЖАНИЕ.

1. Павел Поляков: Дядя Янош. (Verše).
2. А. Литвиненко: Христос Воскрес! (Verše).
3. Василий Орехов: Христос Воскрес! (Kristus vstal z mrtvých).
4. Атаман В. Балабин: Христос Воскрес! (Kristus vstal z mrtvých).
5. П. Фадеев: Яик. (Verše).

6. Почему не была создана Кубанская армия? (Proč nebyla utvořena Kubánská armáda?).
7. Чужинец: Украинское казакофильство в первой половине XIX века. (Ukrajinské kozákofilstvo v prvé polovině XIX st.).
8. М. Еремиев: Франция и казаки в прошлом. (Francie a kozáci v minulosti).
9. И. М.: Еще о гимнах. (Ještě o hymnách).
10. Нагрудный (бортовый) знак В. К. (Odznak V. K.).
11. Казаки — к казакам. (Kozáci —k kozákům).
12. Необходимое раз'яснение. (Nutné vyjasnění).
13. Справка. (Informace).
14. Думы и мысли. (Dumy a mysli).
15. Еще о комбатантских карточках. (Ještě o kombatantských legitimacích).
16. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
17. В Казакии. (V Kozákii).

Почтовый ящик.

Швеция. — А. С. — Получено. Спасибо. Привет.
Франция. — П. С. — Посылается исправно. Привет.
Бухарест. — С. М. — Будет помещено в следующем номере. Привет.
Граево. — В. Е. — Получено. Привет.
Cleveland. — А. А. — Получено. Привет.
Хасково. — П. Д. — Получено. Привет.
Нью-Йорк. — Е. Б. — В настоящем номере найдете ответы на свои вопросы. Привет.
С Америка. — В. С. — Получено. Привет.
Скопље. — Я. К. — Получено. Привет.
Югославия. — А. П. — Будет помещено в след. номере. Привет.
Белград. — Б. К. — Все получено. Привет.
Италия. Н. П. — Исполнено. Привет.

Гонорар не платится.

Не принятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В Ч. С. Р.:
В БРНО: **Виктор Карпушкин.**
В БРАТИСЛАВЕ: **И. И. Безуглов.**

В ЮГОСЛАВИИ:
Б. А. Кундрюцков. Белград.
А. Чекин. Крагуевац.
Г. В. Алферов — Мраморак.
А. А. Гейман. Зајечар.

В РУМЫНИИ:
В. П. Елисеев. M-eur Elisseeff, Cluj.
С. М. Маргушин. M-eur Margouchine. Bukarest V.
А. К. Бабков. M-eur Babkoff, Galatz.

В ГЕРМАНИИ:
Г. А. Козловский. Berlin.

В ПОЛЬШЕ:
Б. В. Фесенко. Варшава.
С. Тулаев. — W. P. S. Tulajew. Wilno.
А. Кирьянов. Августов.
Вл. Еремеев. W. P. Wl. Ieremiejew, Grajewo.

В БОЛГАРИИ:
П. Н. Кудинов. Александрово.
Н. Егоров. Лом.
Т. Л. Ляхов. София.

ВО ФРАНЦИИ:
Ш. Н. Балинов. Париж.
А. К. Ленивов. M-eur Lenivoff; Lyon.
Т. К. Хоруженко. M-eur Khoroujenko; Lyon-Vaise.
И. А. Болдырев. M-eur Boldyreff, Ugine.
И. В. Чуприна. M-eur I. Tchouprina. Cenon (Gironde).
И. Т. Курило. M-eur Kourilo, Bourg des Maisons.
С. К. Поляков. M-eur S. Poliakoff, Rombas.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:
А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine. Cleveland, (U.S.A.).

В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ:
С. Савицький. S. Savytzky. Brasil.

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ:
И. Константинов. Харбин.

Козачья — Наша цель

ВОЛЬНОЕ КОЗАЧТВО

ВІЛЬНЕ КАЗАЧЕСТВО

Наш девиз — Казачья воля

VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychazí 10 a 25 každého měsice).

Редактор **И. А. Билый.**

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká, 2207. Tchécoslovaquie.

№ 104 *Вторник, 10 мая, 1932 — Вівторок, 10 травня, 1932.* *№ 104*

Павел Поляков. *(Белград).*

Дядя Янош.

Поэма.

Эх, ты, молодость, свечечка тонкая,
Вольной Волюшке жертва моя,
Догораешь, искряся и радуя,
И поешь про родные края...
И пройдешь ты, пройдешь незамечена,
И потухнешь падучей звездой,
И минутные малые радости
Расплывутся, что круг водяной...
Все утихнет, умолкнет, уляжется...
И кадила синеющий дым
Под священника тихое пение
Заклубится над гробом моим...
Аль забудется имя казачее?..
Аль затопчат могилу мою?..
. . . . . .
. . . . . .
Э, да что там!.. А ну-ка я песенку
Про донца, да мадьяра спою...
Рассказал мне станичник историю,
Как он звался — забыл, на беду...
Разрешите же, братцы-казаченьки,
От себя я рассказ поведу...

I.

Я в селе мадьярском прожил год без малу, —
Там в широкой Тиссе сетками рыбачил,
А со мною рядом переметы ставил
На сомов в долбленке старый Янош-бачи.*)
Мы, поставив сети речкою уснувшей,
Ворочались вместе ночевать в шалаш.
Лодки привязавши, раздували угли —
К ужину варили огневой гулаш...
И, бывало, долго на пахучем сене,
Раскуривши трубки, молча полежим,
Поглядим сонливо, как при лунном свете,
Исчезая, тает меж ветвями дым...
У меня на сердце под броней надежды
Вечно дум тяжелых бился лютый шквал,
Почему же Янош, набивая трубку,
Как и я, угрюмо целый день молчал?..

— Что ты дядя Янош, хмуришься, невесел...
Расскажи о прошлом, ведь и ты — степняк...
Янош глянет молча, поведет бровями
И в карман полезет доставать табак...
И, затяжкой долгой камаров прогнавши,
Обмахнет прилипший к сапогам песок;
— Что болтать без толку, завтра рано утром
Встану конопатить и смолить челнок.
Крякнет, выбьет пепел, повернется в угол,
Покрываясь плотно зипуном своим —
Зябнут летом ноги; да и то — не шутка, —
Пережить на свете девяносто зим . . .

II.

Как то раз, копаясь в сумах и подсумках,
Выждав тихий, жаркий полуденный час,
На кустах терновых я шинель развесил,
Шаровар широких заалел лампас . . .
Котелок приладя и дровец собравши,
Под вербой тенистой бредень сел латать.
Слышу: стук и топот и тяжелый кашель —
Янош воротился — время полдневать...
Глянул, — что за диво... — Что с тобою Янош?—
Бледный, весь трясется, жжет огонь из глаз.
Проследил за взором — как завороженный
Смотрит Янош старый на донской лампас...
И, склонясь внезапно, он веслом тяжелым
Замахнул с проклятьем мне над головой.
Я успел пригнуться и, весло схвативши,
Бросил его в воду за камыш густой...
. . . . . .
— Что ты, Янош-бачи?.. Аль мы не сдружились?
Что с тобою, старый?.. Экий грех-то, брат!..
Что тебе я сделал, словом иль поступком,
Иль какую шутку ляпнул невпопад...
Он качнулся, охнул, на траву свалился
И, лицо покрывши, тяжко зарыдал.
Я же, удивленный злобой непонятной,
Опустивши руки, перед ним стоял...
Долго плакал Янош..... Старческие слезы
Медленно катились на его армяк,

*) Бачи — дядя.

Быстро вынув трубку, закурил и тихо
(Я едва услышал) прошептал: — Казак?..
— Да, казак... Так что-же... Об'ясни, в чем дело,
Что с тобою сталось?.. Расскажи, не скрой...
Нервно затянулся....
Ты слыхал, наверно,
Здесь восстанье было — год сорок восьмой?..

III.

Поднялися венгры. Стали за свободу,
Захотели сбросить гнет австрийских пут
И под песни воли под свои знамена
В бой за нашу Правду нас позвал Кошут...
Воля... Песни... Битвы... Молодость... Удачи...
Сабли, трубы, кони... Меткий пистолет...
Ах, как мы рубились... Как мы песни пели...
Как я в правду верил в восемнадцать лет...
Я ушел с Кошутом...
Вслед за мной глядели
Пара темно-карих, девичьих очей:
Сердце мое жило славою мадьярской,
Для Илонки сердце билося моей...
Я свою Илонку полюбил сызмала
И любовь меж нами были и совет...
Ах, как дни летели... Как часы бежали...
Как недолги ночи в восемнадцать лет...
. . . . . .
. . . . . .
И когда пред нашей конницей лихою
Дрогнули австрийцев страшные полки,
Вы с Карпат спустились тучей грозовою
И спасли австрийцев вы же, казаки!!.
. . . . . .
Иштэнэм...*) Мы дрались... Мы умели биться.
Но Господь великий позабыл про нас
И у наших храмов и по нашей степи
Заалел победно ваш донской лампас...
И когда знамена мы свои склонили —
Как я смерти жаждал Как я тосковал...
А домой вернувшись, стал искать Илонку
Но... Илонки больше я не увидал....
. . . . . .
Та, что счастьем стала для меня бескрайным,
Что звездой горела на сердце моем,
Та меня забыла... на врага сменяла...
И... ушла... с каким-то вашим казаком...
Только Бог единый видел мое горе,
Но одел я цепи раненой душе
И, уйдя на Тиссу, я шалаш построил
И с тех пор рыбачу в этом шалаше...
. . . . . .
И тогда, поклявшись за народ мадьярский,
За мое несчастье казакам отмстить,
Я лампас увидел, вспомнил все обиды
И в мозгу мелькнуло молнией — убить!..
Ты-ж оборонился... И, не зная злобы,
Добрым словом Бога в сердце пробудил...
Ты меня простишь-ли?..
Что ты, Янош-бачи,
Да конешно... Полно, я давно простил!..
— Тяжко, ах, как тяжко... Схоронив идею,
Имени любимой в сердце выжечь след...
Потушив желанья, плакать и томиться
Волком одиноким девяносто лет!..

IV.

— Слушай, Янош, слушай. Ты меня не знаешь...
Ах... давно Илонка умерла твоя...
Погляди мне в очи... может угадаешь...
Ведь твоя Илонка — бабушка моя!..
Вздрогнул Янош:
— Боже...
Задрожали губы,
Слезы навернулись снова на глаза...
Я не мог сдержаться и моя казачья
На земь покатилась тяжкая слеза...
И, обнявшись, молча долго мы сидели, —
Каждый свое горе вновь переживал...
Я — свое изгнанье и казачью долю,
Янош что-то тихо про себя шептал...

На другое утро, до зари поднявшись,
Перемет и сети я один снимал.
Янош, улыбаясь тихо и счастливо,
В шалаше на сене беспробудно спал...
В закорузлых пальцах свечка догорела...
Я не плачу... Тихо Requiem пою...
Янош-бачи — счастлив...
Он — Кошута встретит....
И свою Илонку, бабушку мою...
. . . . . .

Янош, Янош старый, ты увидишь Бога —
Расскажи, что в мире слишком много зла,
Что травой покрылась наша шлях-дорога,
Что в степях широких песня умерла...
Что на реках чуждых казаки рыбалят,
И о Правде Вечной, веруя, поют...
Расскажи ты Богу... Мы хотим немного —
Свой Порог и Угол...
Свой Степной Присуд....
. . . . . .
Кончил песню... Будет... Умер дядя Янош...
В сердце тихо плачет похоронный звон...
. . . . . .
Эх, запеть бы песню. Да в родной станице...
И поставить сети в тихоструйный Дон...

*) Иштэнэм — мадьярская божба, проклятие.

Всем поздравившим нас с праздником Светлого Христова Воскресения посылаем свое

Воистину Воскресе! —

Воскреснет и Казачество!

А. Литвиненко. (*Франция*).

ХРИСТОС ВОСКРЕС!

Христос Воскрес, Кубань родная!
Шлем все тебе мы свой привет
Изгнанники, с чужого края,
Где Богу дали свой обет.
Быть снова там, где мы родились,
Где тихий плеск твоей волны,
Где табуны коней водились
И были люди все вольны.
Увидеть гор твоих вершины,
Твои прекрасные поля,
Сады и вольные станицы,
Твои дремучие леса...
Мы мыслью там, мечтами — тоже,
А телом все еще мы здесь...
Душа болит, дай сил ей, Боже, —
Ведь в этот день Христос Воскрес!
Христос Воскрес, Кубань Святая!
Христос Воскрес, родной наш край!
Христос Воскрес, семья родная!
Христос Воскрес, наш бывший рай!
Христос Воскрес, сребристы волны!
Христос Воскрес, поля и лес!
Христос Воскрес, станицы вольны!
Христос Воскрес! Христос Воскрес!

Василий Орехов.

ХРИСТОС ВОСКРЕС!

Мы, казаки, 12 лет проводим Светлый Христов праздник в изгнании...

С этим великим праздником Воскресения Христова у каждого из нас связаны светлые воспоминания далекого прошлого: трепетное ожидание первого удара пасхального звона; торжественный вид ярко освещенной церкви родного хутора, радостный, торжествующий напев победной песни христианской „Христос Воскресе из мертвых, смертью смерть поправ"...

Шли годы. Впечатления детства и юности сменились иными; пережили мы времена увлечений и разочарований, падений и под'ема духа.

Но во все времена, если у нас в душах теплилась хоть маленькая искорка Божия, светлый праздник Христова Воскресения оставался для нас символом победы жизни над смертью, добра над злом, правды и истины над ложью и лицемерием, победы света над тьмой, символом величайшего торжества духа.

Но этому торжеству Христа и христианской идеи предшествовала Голгофа и Крестный путь, путь величайшего страдания и унижения. И когда думаешь об этой Голгофе Христа, невольно вспоминается другая Голгофа — Крестный путь нашей Казакии. На путях к достижению истины, права и справедливости ей выпали величайшие страдания, гнет и насилие от новых книжников и фарисеев, лицемеров-коммунистов.

Двенадцатый год длится эта страстная неделя и еще не настал день воскресения нашей казачьей Родины. Но всем ясно, что он уже близко. Казачий народ готовит себя к этому дню.

Казачий народ духовно уже обрел свою родину — Казакию. В ответ на физическое истребление Казачества там русскими коммунистами, оно возродило в изгнании могучее национальное чувство, настоящий патриотизм.

Казачий народ в огромной своей массе понял причину своей гибели и нашел путь спасения. Он понял, что он сам носитель своей власти над собой, сам своими руками должен взять судьбу в руки. И мы верим, что несмотря на все тернии пути, он пронесет знамя своей свободы до светлого дня — осуществления своей свободы и самостоятельности. И этот день будет днем великого Воскресения. И обнимемся мы, казаки, друг с другом и скажем:

Воистину Воскрес!

ХРИСТОС ВОСКРЕС!

Дорогие вольные казаки и казачки!

Почти 2 тысячи лет тому назад в мир явился сын Господа нашего; но по козням злых людей, Его не понявших, Ему не пришлось долго прожить на земле. Он был судим и казнен, но через 3 дня воскрес, чтобы своей смертью искупить грехи людей.

Так и Родина наша Казакия, восставши из пепла сгоревшего русского самодержавия, явилась в Европе, но не долго ей суждено было прожить — по козням русского народа — белого и красного — она умерла.

Но как не умерла идея Божественного Страдальца, так не умерла и идея Вольного Казачества и уже не далек тот час, когда все вольные казаки обнимут своих близких и друг друга на своей вольной земле, в своем вольном государстве со словами:

— Христос Воскрес! Воскресло и Казачество!

Идея Богочеловека от небольшой группы лиц, Его близких, разлилась по всему миру; так и наша идея, наш голос от вольных казаков из Праги разнесся по всему белому свету и под наши знамена все настоящие казаки стремятся всей душою и всеми помыслами, п. ч. наша цель ясно обозначена:

Казакия — наша цель!
Наш девиз — казачья воля!

Граждане вольно-казачьей Пугачовской станицы поздравляют всех вольных казаков и казачек с праздником Светлого Христова Воскресения!

Атаман: **В. Балабин.**

П. Фадеев. (*Париж*).

ЯИК.

Меж песков и яров,
По степям, меж курганов-холмов,
Ко Хвалынскому вдаль —
Ты течешь, Яик-царь...
И все так же ль, как встарь,
В тишине Ты грустишь,
В непогоду — бурлишь —
Бьешь волной берега?..
Как бурливость, так тишь
Мне Твоя дорога!..

Почему Ты теперь не таков, как всегда?
Отчего же, Родной, больше грустный Яик?
Ты — как тяжкий больной, как старик?..
В бурю-грозы-метель
Ты, что в клетку посаженный зверь,
Стонешь, бьешься и рвешься в себе
И не можешь дать волю волне!..
Размахнись же, Горыныч, вполне
И девятой своею волною
Смой, смети, что нелюбо-постыло Тебе,
Лишь оставь со крестом, с бородою!..

Почему не была создана Кубанская Армия?

I.

Одной из основных причин поражения Казачества в 1919-1920 годах было то, что Кубань не могла вовремя создать своей Кубанской Армии.

Мы полагаем, что для кубанцев будет далеко не безинтересным познакомиться немного ближе с вопросом: почему в свое время не была создана Кубанская Армия, кто хотел ее создания, а кто и почему не хотел этого. Это знакомство может послужить весьма хорошим предупреждением на будущее не только для кубанцев.

Прежде всего остановимся на позиции в этом вопросе Кубанской Краевой Рады. К большому нашему сожалению, мы не могли разыскать заграницей закона, принятого Краевою Радою осенью 1918 года специально по вопросу о Кубанской Армии. Для характеристики же того, как единодушна была в этом вопросе Краевая Рада, приведем ниже выписку из стенографического отчета о заседании К. Рады 29 октября 1918 г. по вопросу о программе работ Краевой Рады, а именно ту его часть, где вопрос идет о Куб. Армии. Вот она:

„Член Рады И. Билый: г. г. члены Рады! Я совершенно согласен с тем предложением, которое было сделано, что несмотря на то, что перед нами стоит очень много важных вопросов, мы должны разрешить только самые необходимые и острые. Конечно, те вопросы, которые поставлены на повестку, должны быть разрешены. Я позволю себе только сказать, что есть еще вопросы, не менее острые и важные, не поставленные на повестку. На повестке, предложенной Правительством, не поставлен вопрос земельный. Я считаю, что этот вопрос — один из тех основных вопросов, которые разрешить нужно поскорее. Пусть мы его не разрешим детально, но мы должны сделать общее постановление. Мы должны принять принципиальное решение, чтобы будущая Законодательная Рада, на основании (наших) общих указаний этот вопрос разрешила. Я считаю, что еще нужно поставить в программу работ Рады вопрос об организации Кубанской Армии. Не разрешивши этих вопросов, я думаю, нам отсюда уезжать нельзя. Третий вопрос, который я предлагаю поставить на повестку и который считаю тоже необходимым разрешить, — это вопрос... о судьбе Черноморской губернии. У меня есть повеление от станицы, меня пославшей, поставить вопрос, чтобы Черноморская губ. была воссоединена с Кубанской областью... Этими тремя вопросами я хотел дополнить предложенную Правительством программу работ Рады (стр. 23).

Член Рады Толкунов (станицы Махошевской). Здесь сказал господин Быч, что земельный вопрос будет не совсем разрешен. Я с этим не согласен, потому что в станице у нас поднимаются насчет земли спорные вопросы, доходящие до драки. Не знаю как здесь, но в горной полосе у нас имеются потомственные участки и из-за них у нас на сборах сейчас идут бурные ссоры. И в настоящий момент, отправляясь сюда, я сам лично подписал свой участок в общий юрт, дабы избежать неприятностей... Дальше идет вопрос военный. Мое предложение таково, что его откладывать нельзя, потому что мы без войска существовать не можем... (стр. 27).

Член Рады Ф. К. Воропинов: ... С своей стороны я подтверждаю то, на что было здесь указано членом Рады Билым. Он обратил внимание на два очень важных вопроса, которые по моему наказу будут значиться в п. 3. Этот пункт моего наказа говорит, что так как Черноморская губ. искусственно оторвана от Кубани, то она должна вновь войти в состав Кубанского Войска, равно, как и часть Ставропольской губернии с населенными в ней Хоперскими казаками... Членом Рады Билым поднят вопрос о необходимости теперь же приступить к организации своей собственной Кубанской Армии. Безусловно, и этот вопрос, не внесенный на повестку, должен получить то или иное разрешение... Итак, я поддерживаю предложение членов Рады Билого и Толкунова, что вопрос о Кубанской Армии должен быть поставлен на повестку... (стр. 28).

Председатель Пр-ва Быч: ... Вот эти вопросы можно было бы поставить. Таково мое мнение. (Голос с места: А военный вопрос?). Военный вопрос, организация военной силы, это — основной вопрос и на нем нужно будет остановиться непосредственно. Мы не поставили его только потому, что эта программа составлена была 10 сентября, а тогда мы думали, что вопрос об организации военных сил будет разрешен сам. собою. Но оказалось, что он не разрешился...

Председатель Рады Н. С. Рябовол: ... Я выбираю те вопросы, против которых не было возражений со стороны Председателя Пр-ва. Это вопросы: земельный и военный, вопрос о воссоединении Черноморской губ. и части Ставропольской губ., населенной бывшими Хоперскими казаками, и вопрос об урегулировании взаимоотношений между казаками и иногородними. Я голосую в порядке поступления эти вопросы. Желательно ли Раде рассматривать земельный вопрос? Прошу тех, кто желает, поднять руки. Кто против? Таких нет. Вопрос принят. Теперь вопрос военный. Желает ли Рада говорить о создании Армии? Кто возражает против этого? Таких нет. Принято единогласно. Теперь идет о воссоединении Черноморского побережья и части Ставропольской губ., населенной б. Хоперскими казаками. Тех, кто за постановку такого вопроса, прошу поднять руки. Кто против? Один... (стр. 32)".

— Итак, как видим, вопрос о Кубанской Армии поставлен в порядке дня по единогласному постановлению самой Рады. К сожалению, повторяем, мы не имеем на руках принятого Радою постановления-закона о необходимости создания Кубанской Армии.

Еще одно подтверждение такого решения Рады находим и в Кубанской Конституции, статья 8 которой гласит:

„Кубанский Край имеет свою армию. Все граждане Кубанского Края подлежат воинской повинности, отбываемой на основании особого закона".

Статья эта внесена в Конституцию тоже по решению Рады, т. к. в проекте Конституции, внесенном в Раду Пр-вом, такой статьи не было. В подтверждение этого приводим ниже часть речи докладчика соответствующей комиссии:

„Член Рады К о р о б ь и н: Комиссия ввела в раздел II статью, которой не было в правительственном проекте, но которая вытекает из тех предпосылок, из той декларации, которая положена в основание работ Краевой Рады... Комиссия полагала, что раз в Положении об управлении Краем сказано о правах граждан, то там же должно быть упомянуто и об обязанностях граждан, в частности, о самой тяжелой обязанности — повинности кровью. Это должно быть вами принято, ибо, раз Кубанский Край вступает на путь самостоятельной государственной жизни, он, конечно, должен иметь свою армию"... (стр. 471).

Голосование ст. 8:

„Председатель: Статья 8: „Кубанский Край имеет свою армию. Все граждане КК подлежат воинской повинности, отбываемой на основании особого закона". Есть ли желающие высказаться? Таких нет. Голосую. Принята е д и н о г л а с н о". (Стр. 473).

— Такова была воля верховного законодателя — Кубанской Краевой Рады. Рада е д и н о г л а с н о решала — быть Кубанской Армии.

Почему же эта воля не была исполнена? Почему Кубань не создала своей Армии — попробуем ответить на этот вопрос в следующий раз доступными нам документами и свидетельскими показаниями.

Чужинец.

Украинское казакофильство в первой половине XIX века.

(Идея вольного казачества в XIX веке).

Третьим движением, которое идеализировало казачью державность и мечтало о возрождении вольного казачества (в виде гетманской Украины), было казакофильство у к р а и н с к о е. Это было, в сущности, национальное украинское движение, но оно приняло естественную форму казакофильства, потому что „гетманщина", „гетманский регимент" на Украине был единственной исторической формой украинской национальной державности. Впоследствии элемент национальный отделился от исторической идеи казачества; украинцы подвергли критике и социальную сущность и историческую роль казачества и стали мечтать о национальной независимости в форме западно-европейского государства, демократически организованного. Но много десятилетий память о гетманщине, о к а з а ч ь е м государстве владела мыслями украинской интеллигенции и молодежи, а казак являлся в ореоле борца за национальную, религиозную, политическую и социальную свободу.

О казачьей украинской державе говорили украинской интеллигенции и историки, и поэты. Еще в XVIII веке появилась „История Руссов" яко-бы написанная Конисским; в то же почти время начала ходить по рукам рукопись сочинения Симоновского: „Краткое описание о козацком малороссийском народе" 1765 год. В значительной степени на „Истории Руссов" были основаны печатные труды: Бантыша Каменского „История Малой России", напечатанная в 3-х томах в 1882 г. и Маркевича „История Малороссии", вышедшая в 5 томах в 1842-1843 г. г. В течение 70 лет ходило в списках сочинение Ригельмана „История малороссийская или повествование о козаках", написанное в 1778 г., напечатанное лишь в 1847 году. Все эти труды говорили о гетманской Украине, притом с глубочайшим сочувствием к Украине и к казачеству вообще, — даже труд Ригельмана, который все же негодовал на казаков, которые утверждали (еще в XVIII в.), „надувшись пустым мнением", что Запорожцы пошли от Скифов или Роксолан, а Донцы от Черкесов, а другие „от некаких вольных людей, кои яко-бы не принадлежали ни к какому владению, и потому мнят о себе все, будто бы они навсегда право имеют в вольности*) и для того-то не почитают себя, чтоб они подлинно были из русских людей". Тому же Ригельману принадлежала и история донских казаков (так же напечатанная лишь в конце 40-х г. г. XIX в.).

Гораздо ярче и откровеннее вздыхали о „казаччине" украинские поэты, писавшие и по украински, и по русски. По началу это были лишь грустные поминки недавнего еще прошлого. Позже начинается крайняя идеализация прошлого, сюда примешивается влияние исторического польского романтизма и казакофильства; обостренное национальное чувство ищет выхода в фантастической яркой картине былой жизни казачества.

Первый Котляревский, в своей „Энеиде" поминает украинское казачество:

... „Так вѣчной памяти бувало
У нас в гетьманщинѣ колись,
Так просто вóйсько шиковало,
Не знавши: „С т о й! н е ш е в е л и с ь!..
Так славнiи полки козацьки
Лубенський, Гадяцький, Полтавський
В шапках, було, як мак цвѣтуть,
Як грянуть, сотнями ударять,
Перед себе списи наставять,
То мов метлою все метуть"...

Этому элегическому воспоминанию предшествует у Котляревского полушутливое, полусерьезное описание того, „Латинь к вiйнi як снаряжалась", а попросту, как происходила мобилизация украинского казачества при гетманах.

Громадное значение для развития казакофильства имело издание М. Максимовичем в 1827 г. „Малороссийских песен". Самое предисловие к ним было своего рода манифестом. „Наступило, — писал Максимович, — кажется, то время, когда познают истинную цену н а р о д н о с т и. Возникшая подобно комете Малороссия долго тревожила своих соседей... Коренное племя ее получило совсем отличный характер, облагороженный и возвышенный Богданом Хмельницким... Особенно замечательны думы — героические песнопения, относящиеся преимущественно ко временам Гетманства до Скоропадского"... И эпиграфом своей книги Максимович взял слова Котляревского: „Так вечной памяти бувало у нас в Гетманщині колись".

В сборнике Максимовича находим мы и скорбную песнь: „Ой, біда, біда чайці небозі, що вывела дітки при битій дорозі" (символ Украины среди соседей), и „Думу о походе Хмельницкого в Молдавию" (стр. 30), и даже знаменитую „Думу гетмана Мазепы" с ее призывом к борьбе за свободу родины:

„А за вѣру хочь умрите
И вольности бороните,
Нехай вѣчна будет слава
Же през шаблю маем права".

Изм. Ив. Срезневский издал в 1833-1838 г. в Харькове шесть выпусков „Запорожской Старины", причем вып. 1-й и 2-й наполнены были думами о казачьей эпохе, о походах, с призывами:

„Козакам козацьких порядков подавати
За віру христіянську достойно праведно стати"...

Один из талантливых сотрудников Срезневского писал об Украйне: „Миновалось ее козакование на полях бранных, не полагать уже козаку меча своего на

*) Ригельман. „Летописное повествование" т. I, стр. 3.

весах судеб; закозакует же он теперь на полях сладкого песнопения".

Зато другие казакофилы выражали скорбь свою о прошлом другими словами. Маркевич в „Украинских мелодиях" (Москва, 1831) писал, рыдая:

... „Булавы, бунчуки
Не воскреснут для нас!
Лишь поют старики,
Как Хмельницкий погас;
Уж не будет, не будет в Украйне Гетмана!
По лесам с бунчуком, на коне с булавой
Не скакать уж ему пред казачьей толпой:
Схоронили Украину мы в гробе Богдана"... (с. 41).

Мы знаем уже чувства Маркевича из письма его к Рылееву. Теми же чувствами проникнуто и стихотворение его „Чигирин" (с. 50):

Там были казачьи в лесах курени,
В рассказах о битвах катились их дни,
Сверкали их копья, их сабли звучали,
Костры по ночам у шатров их пылали.
Там конь никогда не стоял без седла,
Копытом рыл землю и грыз удила.
Коль скоро Хмельницкий махнет булавою,
Полковники выбегут шумной толпою...
„Украйна! свобода!" — он крикнет полкам —
И все понесется, и горе врагам!..

Здесь уже начало буйной романтики. В том же тоне писал и Амвросий Метлинский (1814-1870), начавший писать с 1839 года под псевдонимом Амвросия Могилы. В Харькове он выпустил „Думки і Пісні" (по укр.), в коих воспевал он гетманов в блеске их славы. В поэме „Гетьман" поэт спрашивал:

На сторожі моє ухо!
А все тихо, а все глухо!..
Чи козак і кінь умер?
Чи орел без крил, без пер?

Но не одни лишь поэты и собиратели народных песен напоминали российской и украинской публике о казачестве и его былой вольности. Целый ряд писателей выступил с романами из казачьей жизни.

Из писателей украинского происхождения отметим Білецького-Носенко (с его романом „Зиновий Богдан Хмельницкий, 1829г.); Нарижного, напечатавшего в 1824 г. своего „Бурсака", а в 1829 г. „Запорожца"; П. Голоту („Мазепа", 1832 и „Хмельницкий," 1834); Подолинского („Гайдамаки", 1829 г.). Все они писали по русски, идеализируя старое казацкое житье.

Большую роль в украинском казакофильстве сыграл проф. О. М. Бодянский, издавший в Москве, на средства Московского Общества истории и древностей, украинские летописи: Самовидца, Симановского, Ригельмана и др., ходивших раньше в списках. О казакофильстве Бодянского свидетельствуют и его труды, и его стихи, и даже карикатуры на него. В письмах Н. В. Станкевича мы находим карикатуру на ученых, спорящих, откуда пошла Русская Земля. В длинном сюртуке, с рожком в руках, стоит Бодянский, восклицающий: „Руссы-Козаки! Ге, земляче! Коли хочешь знать правду, підем в „Півтаву" (письмо № 221).

В сборнике „Молодик" на 1843-й год Бодянский напечатал стихи: „На могилу Разумовского":

Постой, козаче, не біжи!
Ось, глянь на хрест! Читай — чія могила!
Останнього се гетмана Кирилла —
Присядь-же, брато, потужи!

Нельзя обойти молчанием и Е. П. Гребінку, напечатавшего в „Библиотеке для чтения" 1843 г.: „Богдан. Сцены из жизни малороссийского гетмана Зиновия Хмельницкого".

Стихи польских романтиков-казакофилов сказали сильнейшее влияние не только на писателей в России, но и за ее пределами. В 1830-х годах, во Львове, кружок русско-галицкой молодежи зачитывался польскими поэтами „украинской школы". Во главе кружка стояли о. Маркиан Шашкевич, Як. Головацкий, Ив. Вагилевич.

Галицкие казакофилы, не знавшие исторического казачества, его одеяний и т. п., видели у себя лишь надворных казаков, служивших у польских помещиков, копировали костюм этих казаков, над чем издевался впоследствии (1913) С. Щеголев, враг украинства и казачества. По существу-же это был отклик галицких патриотов на течения, существовавшие в российской Украине, это было желание возродить великую казачью державу-Гетманщину, и войти в ее состав.

В пределах России в левобережной Украине дворянские украинские автономисты, не имея возможности открыто организоваться и выявлять свои политические симпатии, устроили в 1830-1840-х годах кружки т. н. „мочеморд" или, проще говоря, пьяниц. Нужно сказать, что пьянства в движении „мочеморд" было таки не мало, а политический элемент их собраний был уж очень законспирирован. Тем не менее, надо признать, что в собраниях „мочеморд" участвовали и такие лица, как братья Капнисты, сыновья самостийника и писателя Капниста, де-Бальмен, друг Шевченки, сосланный на Кавказ за революционную пропаганду и даже бывший малороссийский генерал губернатор кн. Репнин, уволенный в 1835 г. за его украинский автономизм. Вождем компании мочеморд был Виктор Закревский. Как и польские „балагулы" правобережной Украины, „мочеморды" были ярыми казакофилами, на собраниях своих пили тосты за грядущую революцию, за возрождение казачества и казачьей республики — Гетманщины.

Участники знаменитого Кирилло-Мефодиевского братства, разгромленного правительством в 1847 г. в большинстве своем и в начале своей политической и литературной деятельности были казакофилами. Впоследствии они изменили свои взгляды на роль казачества, особенно П. А. Кулиш, но вначале и Кулиш, и Костомаров, и особенно Шевченко отдали дань казакофильству.

В 1838 г. молодой Н. И. Костомаров, под псевдонимом Иеремии Галки, напечатал: „Сава Чалый, драматические сцены на южно-русском языке"; в 1839 г. „Украинские баллады", а в 1840 г. небольшой сборник украинских стихотворений под заглавием „Ветка". Для пропаганды идей Кирилло-Мефодиевского братства Костомаров написал по украински т. наз. „Книгу бытия украинского народа" — в подражание вышедшему в 1832 г. сочинению Мицкевича „Книги польского народа". Рукописные копии этого произведения взяты были при аресте Гулака и Костомарова и были в III-м Отделении Собств. Его Велич. Канцелярии почему-то названы: „Закон Божий". Основные положения этой „Книги" — любовь к Украине, ненависть к ее поработителям, отрицание царской власти, проповедь идеи славянской федерации, искренний демократизм и отрицание крепостного права. Самое интересное для нас в этой истории от сотворения мира это то, как Костомаров хотел рассказать простому народу (по украински и по русски) о казачестве.

Резко осудив Польшу, которая „сотворила себе господ", а народ отдала в неволю; осудив „Московщину", впавшую в идолопоклонство, ибо она „царя своего назвала земным богом", Костомаров восхвалял Украину, которая „к Литве принадлежала" и соединилась с Польшею, „как сестра с сестрою, неразделимо и несмесимо по образу „ипостасей божественных"... „Не любила Украина ни царя, ни пана и составила в себе (у себя) К о з а ц т в о, т. е. братство, куда каждый вступая был братом других, — был-ли он прежде господином или рабом, лишь бы он был христианин, и были казаки между собою все равны, а старшины выбирались на собрании и должны были служить всем по слову Христову, ибо принимали должности по принуждению, как повинность, и не было никакого господского великолепия и титулов между казаками... И поставлено казацство... освобождать из неволи своих ближних... Сагайдачный разорил Кафу и освободил оттуда несколько тысяч невольников из подземных темниц. И много было рыцарей (казаков), которые так поступали...

И день ото дня росло и умножалось казацство, и скоро все люди в Украине стали-бы казаками, т. е, вольными и равными, и не было бы над Украиною ни царя, ни пана, кроме Бога единого, и, смотря на Украину, так же бы сделалось и в Польше, а потом и в других славянских землях...

„Но господа увидели, что казацство возрастает, и

скоро все люди станут казаками, т. е. вольными, и запрещали своим невольникам вступать в казацство, и хотели забить народ простой, как скотину... и стали господа обдирать своих рабов, отдавать их на муку жидам" и т. д.

„Казацство восстало, а с ним поднялся весь народ; истребили и прогнали господ, и стала Украина земля казацкая, т. е. вольная, ибо все были равны между собою и свободны, но не надолго. И хотела Украина снова жить с Польшею по-братски, неразделимо и несмесимо, но Польша никаким образом не хотела отречься от своего панства. Тогда Украина пристала к Московщине... неразделимо и несмесимо... Но скоро увидела Украина, что она попалась в неволю, ибо она по своей простоте не узнала, что такое значит царь московский, а царь московский значит то же, что идол и мучитель".

Украина попыталась отпасть, но тут польские паны и московский царь разодрали ее пополам. „И изгнали поляки казачество с правой стороны Днепра, и властвовали паны над нищими остатками вольного народа. А на левой стороне долее держалось казачество, но час от часу подпадало в неключимую неволю московского царя, а потом — петербургского императора". Умалчивая о подлинной роли казачьей старшины в деле закрепления крестьян в Малороссии, Костомаров писал: „Немка, царица Катерина, распутница всесветная, безбожница, мужеубийца, кончила казацство и свободу, ибо, отобравши тех, которые были в Украине старшинами, наделила их дворянством и землями и отдала им вольную их братию в ярмо, — одних поделала господами, а других рабами"...

Таким образом, и Костомаров идеализировал казачество и его историю, особенно, историю взаимоотношений Литвы и Польши, замалчивал историю закрепощения казачьей старшиной младшей братии на Украине и довольно пеструю политику гетманов. Романтическое отношение к казачеству было сильно у Костомарова, пока он не соприкоснулся ближе с актами, хранившимися в архивах.

При обыске у Шевченка было найдено стихотворение Костомарова:

... „Чи вже-ж дарма
Славнії Гетьмани
Умирали в лютих муках,
Закуті в кайдани?...
Ще-ж пісні не повмирали...
Чи тож на забаву
В них співають святу славу,
Козацькую славу?..."

Казакофильство было присуще и остальным членам Кирилло-Мефодиевского братства и их „сочувственникам" (вроде Афанасьева-Чужбинского).

Ярым казакофилом был по началу и Кулиш. Он всегда напоминал своим товарищам по Кирилло-Мефодиевскому обществу:

„Тим-то повстала козацька страшенная сила,
Що в нас, панове, була воля і думка єдина"...

Приговор по делу о Кирилло-Мефодиевцах гласил: „Вина Кулеша в некоторой степени сходна с преступлением Шевченки. Любя пламенно свою родину, Малороссию, он в напечатанных им книгах с восторгом описывал, дух прежнего казачества, наезды гайдамаков изображал в виде рыцарства, представлял историю этого народа едва-ли не знаменитее всех историй, славу его показывал всемирною, приводил песни украинские, в которых выражается любовь к вольности, намекая, что этот дух не простыл и доселе таится в малороссиянах, описывал распоряжения имп. Петра I-го и преемников его в виде угнетения и подавления прав народных".

Действительно, в предисловии к своей „Украине" Кулиш утверждал: „Не было на свете народу более отважного и славного, чем греки (древние) и казаки"... Издавая думы и не найдя таковых обо всех гетманах, Кулиш, как он признавался, „сам сложил их старыми словами", т. е. подделал ряд дум. Впоследствии Драгоманов и Антонович, собирая „Исторические песни малорусского народа", потратили не мало времени на установление различия между подлинным народным творчеством и подделками под него, каких не мало сотворили украинские патриоты в первой половине XIX века.

В своих воспоминаниях Кулиш рассказывал, что в III-м Отделении у него допытывались: „правда ли, что он намеревался стать гетманом украинским"? На что, будто бы, Кулиш с улыбкой ответил: „Спросите сперва, много-ли у меня денег за душею, много-ли имущества, родня-ли или приятель вельможным панам"...

Самым ярким и блестящим из казакофилов — „кирилло-мефодиевцев" оказался Шевченко. Свои мечты о прошлом казачества воплотил он в незабываемые образы, которые живы до наших дней, хотя сам поэт стал отходить от крайностей казакофильства еще до того, как подвергся гонениям и страданиям.

Шеф жандармов, гр. Орлов, докладывал в 1847 г. Николаю I, что Шевченко „возглашал о славе гетманского правления и прежней вольнице казачества". С его стихами „в Малороссии могли посеятся и впоследствии укорениться мысли о мнимом блаженстве времен гетманщины, о счастии возвратить эти времена и о возможности Украине существовать в виде отдельного государства"... Студент Андрузский, также осужденный по делу 1847 г., показывал, что „Шевченко был неумеренным представителем Малороссийской партии в славянском Обществе, которое имело целью восстановить Гетманщину, если возможно — отдельно, а если нельзя, то в Славянщине... Из Малороссийских Гетманов (Шевченко) превозносил Мазепу". Шевченко, — заключало III-е Отделение, — желает возбудить ненависть к русским и, воспоминая о прежней свободе, подвигах и славе казаков, упрекает нынешнее поколение в равнодушии".

Попавшие в руки правительства стихи Шевченки были двух родов: одни — напечатанные в 40-х г. с разрешения цензуры, другие — в рукописях. Из легальных стихотворений, воспевавших казачество, привлекают к себе внимание: „Иван Підкова", „Гамалія", „Гайдамаки", а из ненапечатанных — „Тарасова ніч", „Гарно твоя кобза грає" и др.

Сказание о морском походе („Ив. Підкова") начинал Шевченко общими, т. ск., воспоминаниями о прошлом:

„Було колись — в Україні
Ревіли гармати;
Було колись — Запорожці
Вміли панувати.
Панували, добували
І славу, і волю;
Минулося, — осталися
Могили на полі...
Було колись — в Україні
Лихо танцювало,
Журба в шинку мед-горілку
Поставцем кружала.
Було колись добре жити
Нашій Україні"...

Дальше шло поэтическое описание бури на Черном море и запорожцев, плывущих в набег на Царьград.

„Чорна хмара з-за Лиману
Небо, сонце криє
Сине море звірюкою
То стогне, то виє...
Висипали Запорожці —
Лиман човни вкрили.
„Грай-же, море!" заспівали, —
Запінились хвилі.
Кругом хвилі, як ті гори:
Ні землі, ні неба.
Серце мліє, а козакам
Того тілько й треба"...

Потом походный атаман

„Підняв шапку, човни стали,
Нехай ворог гине!
Не в Синопу, отамани,
Панове — молодці,
А у Царьград, до султана
Поїдемо в гості"...

Стихотворение „Гамалія“ начинается с песни пленных запорожцев в Скутари, закованных в цепи:

Ой нема, нема ні вітру, ні хвилі
Із нашої України!
Чи там раду радять, як на Турка стати, —
Не чуємо на чужині...
Ой заграй, заграй, синесеньке море,
Та під тими байдаками,
Що пливуть козаки, тільки мріють шапки,
Та на сей бік за нами.
Ой Боже наш, Боже! хоч і не за нами,
Неси Ти їх з України;
Почуємо славу, козацькую славу,
Почуємо, та й загинем“...

Ветер доносит жалобу на Украину, и Гамалія с запорожцами берет штурмом Скутари.

„Гамалія по Скутарі
По пеклу гуляє,
Сам хурдигу розбиває,
Кайдани ламає“...

Освободивши запорожцев из плена и сжегши до тла Скутари, Гамалія плывет домой, а запорожцы славят его:

„На ввесь світ великий,
На всю Україну.
Що не дав ти товариству
Згинуть на чужині“...

И в „Гайдамаках“ Шевченко возвращается к казачьему славному прошлому:

... „Плаче Україна...
І я плачу, а тим часом
Пишними рядами
Виступают отамани,
Сотники з панами,
І гетьмани, — всі в золоті...
У мою хатину
Прийшли, сіли коло мене,
І про Україну
Розмовляють, розсказують:
Як Січ будували;
Як козаки на байдаках
Пороги минали;
Як гуляли по синему,
Грілися в Скутарі,
Та як, люльки закуривши
В Польші на пожарі,
В Україну верталися“...

О судьбах казачества поминает не только автор „Гайдамаков“. И чигиринский благочинный, призывая казаков и восставших крестьян (гайдамаков) к борьбе, напоминает им (в тех же „Гайдамаках“):

„Згадайте праведних гетьманів:
Де їх могили? де лежить
Останок славного Богдана?
Де Остряницина стоїть
Хоч би убогая могила?
Де Наливайкова? нема!
Живого й мертвого спалили“...

И герой „Гайдамаков“, Ярема, думает, глядя на Днепр:

„Ой Дніпре мій, Дніпре, широкий та дужий!
Багато ти, батьку, у море носив
Козацької крови; ще понесешь, друже!
Червонив ти сине, та не напоїв;
А сю ніч упьешся, пекельне є свято
По всіи Україні сю ніч зареве;
Потече багато, багато, багато
Шляхецької крови. Козак оживе;
Оживуть гетьмани в золотім жупані;
Прокинеться доля; козак заспіва:
Ні жида, ні ляха, а в степах України —
Дай-то Боже милий — блисне булава“!..

В стихотворении „Тарасова ніч“ той же (первоначальной) эпохи своего творчества, Шевченко описывал кобзаря, который „грає, виспівує, вимовля“ словами,

“Як Москалі, Орда, Ляхи
Бились з козаками;
Як збіралася громада
В неділеньку в ранці“!..

И дальше изливалась тоска о невозвратном прошлом украинского казачества:

„Була колись Гетьманщина,
Та вже не вернеться;
Було колись панували,
Та більше не будем...
Тії слави козацької
Повік не забудем!..
Де поділось козачество,
Червоні жупани?
Де поділась доля, воля,
Бунчуки, гетьмани?..
Мовчать гори, грає море,
Могили сумують,
А над дітьми козацькими
Поганці панують...
Сидить ворон на могилі
Та з голоду кряче...
Згада козак Гетьманщину,
Згада та й заплаче...

Обращаясь к писателю-украинцу Афанасьеву-Чужбинскому, Шевченко писал:

„Гарно твоя кобза грає,
Любий мій земляче!..
Ні, не люде тебе вчили!
Мабудь сама доля,
Степь та небо та могили
Та широка воля.
Мабудь часто думка жива
Труши розривала,
І козацька давня слава,
Як сонечко сяла.
І вставали з домовини,
Забиті в кайдани,
Вірні діти України,
Козаки й Гетьмани...
Мабудь ти учивсь співати
На руїнах Січи,
Де ще наша рідна мати
Зазірає в вічи;
Де та бідна мати просить
Кожну душу щиру,
Хто по свиту кобзу носить,
Щоб співати миру
Про козацьтво незабутне,
Вірне стародавне,
Про життя козацьке смутне,
Смутне, але славне“...

Очень часто в своих стихотворениях останавливался Шевченко на судьбе украинского казачества при Петре и его преемниках. Он горевал, что казаки не поддержали Мазепу („Иржавець“):

„Нарадила мати,
Як пшениченьку пожати
Полтаву достати.
Ой пожали-б як-би були
Одностайне стали,
Та з хвастовським полковником
Гетьмана еднали“...

Он заставлял мать-Украину проклинать Хмельницкого за соединение Украины с московским царством:

„Панувала і я колись
На широким світі!
Панувала... О, Богдане,
Нерозумний сину!
Подивись тепер на матір —
На свою Вкраїну...
Ой, Богдане, Богданочку!
Як-би була знала, —
У колисці-б придушила,
Під серцем приспала!...“

Казакофильство Шевченки складывалось из целого ряда элементов: тут были и воспоминания детства, впечатления рассказов деда о Запорожьи, о Колиивщине, о разрушении Сечи; и вся народная поэзия; и изложение истории Украины и казачества в „Истории Руссов“ псевдо Конисского и в „Истории Малороссии“ Бантыша Каменского; и влияние стихов Богдана Залесского и „Вернигоры“ М. Чайковского; и беседы с украинскими интеллигентами: Гребенкою и др.

Скорбь о судьбах казачества вызвала у Шевченки ненависть к централизаторам и обрусителям Петру и Екатерине, и сочувствие к угнетенным Империею народностям (в первую очередь к черкесам). Знаменитые слова — „боритеся — поборете“ сказал Шевченко, обращаясь именно к горцам:

„І вам слава, сині гори,
Кригою окуті;
І вам, лицарі великі,
Богом незабуті!
Борітеся — поборете!
Вам Бог помагає;
За вас сила, за вас воля
І правда святая!...“

Наибольшей силы отрицательное отношение Шевченки к Империи Российской достигло в словах, обращенных к черкесам („Кавказ“):

„Як би ви з нами*) подружились,
Багато-б де чому навчились.
У нас-же й світа як на те:
Одна Сібір неісходима!
А тюрм? а люду? — що й лічить:
Од Молдавана аж до Фінна
На всіх язиках все мовчить:
Бо благоденствує!!!“

Оценивая казакофильство Шевченки в его последовательных проявлениях, мы видим сперва безотчетный и безудержный восторг поэта перед блеском национального прошлого Украины, воплотившемся для него в гетманской Украине. Его, как натуру высоко художественную, ослепила своим блеском казацко-гетманская эпоха. Он не смог устоять пред воссозданной им-же самим картиною бунчуков, войска, горевшего как красное море, вокруг гетмана на вороном коне. Попавши в Петербург (в Академию Художеств) и найдя здесь целый украинский кружок, Шевченко писал своему другу Кухаренко (впоследствии атаману Черноморского Войска): „Як би ти знав, що тут робиться. Тут робиться таке, що цур йому й казать. Козацтво ожило!!!

„Оживуть Гетьмани
В золотім шупані,
Прокинеться доля,
Козак заспіває“!...

Но Шевченко быстро разочаровался в гетманщине, да и в городовом украинском казачестве. Он задумался над истинной историей социальных отношений на Украине, увидел, что в возникновении крепостного права на Украине, виноваты были не одни лишь „москали“ да „Катерина, суча дочка“, а и одворянившаяся казачья старшина, потомки коей, с одной стороны, спокойно пользовались плодами крепостного права, а с другой стороны декламировали стихи польских „казакофилов“ и самого Шевченки о гетманской Украине.

Уже в 1845 г. (в дек.) Шевченко написал свое знаменитое послание**) в котором он призывал украинскую интеллигенцию сосредоточиться и мыслью, и сердцем не на былом, а на настоящем дорогой родины и выставлял национальный лозунг:

„В своїй хаті — своя й правда,
І сила і воля!...“

Шевченко издевался над „гвалтом и криком“ по поводу украинской истории:

„А історія? Поема
Вольного народу!
Що ті Римляне убогі!
Чорт зна що не Брути...
У нас Брути і Коклеси,
Славні незабуті!
У нас воля виростала,
Дніпром умивалась“...

Шевченко предлагал тем, кто испускал выше-приведенные восторженные вопли, заново пересмотреть эту (казачье-гетманскую) главу национальной истории, ничего не пропуская:

„Все розберіть, та й спитайте
Тоді себе: що ми?
Чиї сини? яких батьків?
Ким, за що закуті?
То й побачите, що ось що
Ваші славні Брути:
Раби, підніжки, грязь Москви,
Варшавське сміття ваші пани
Ясновельможні гетьмани!“

Таким образом прежнее восхищение гетманами стало сменяться у Шевченки резкой критикой поверхностного панского казакофильства и еще более резкой критикой панского строя городовой гетманщины, которая готова была для своего панства поступиться и частью украинской воли и, особенно, волею „гультяев“ — запорожцев и черни. Вообще, низовой, запорожский, демократический дух преобладал в писаниях Шевченки над гетманским духом. Но и расставшись с идеализацией гетманов, Шевченко, — по правильному замечанию Драгоманова, продолжал идеализировать казачьи рады, изображая их такими, какими они не бывали, изображая патриотами и Наливайка, разбойника, никогда не бывшего гетманом, и Дорошенка, иудиного товарища, торговавшего украинскими головами не хуже московских воевод.*) Какова бы не была однако-же эволюция взглядов Шевченки на казачество, строки, посвященные им казачеству, останутся навеки незабвенными по их силе, красоте и необыкновенной выразительности.

Чтобы покончить с историей украинского казакофильства в первой половине XIX века, упомянем здесь еще о проекте найденном в 1850 году у б. студента Киевского университета Андрузского (при обыске, сделанном у него в Петрозаводске, куда он был выслан по делу Кирилло-Мефодиевцев). Согласно этому проекту об'единялись в федеративный союз следующие „штаты“: Украина, Дон, Черногория, Галиция (с Краковом), Польша (с Познанью), Литва (с Жмудью), Бессарабия (с Молдавией и Валахией), Остзея, Сербия и Болгария. Как мы видим, в союз должны были войти две казачьи державы: Дон и Украина.

Вполне естественно, что и правительство имп. Николая I-го стало подозрительно смотреть на казакофильство, и цензура стала запрещать такие слова, как „Гетманщина“ „Украина“ и т. под. Однако, гонения на казакофилов не помешали возродиться казакофильству в 60-х годах, как в России, так и на Украине. Что же касается польского казакофильства в эмиграции, то оно не замерло в 1840—1850-х г. г. и особенно ярко проявилось в деятельности М. Чайковского.

Матеріали до статті: „Украинское казакофильство“: Шамрай „До початків романтизму“, „Україна“, 1929, № 37; Драгоманов „По вопросу о малорус. литературе“, Вена, 1876; Шульгин „Древ. и Нов. Россия“, 1879 № 5; С. Ефремов; Драгоманов „Нові укр. пісні про громадські справи (1764—1880)“, Женева, 1881. О Максимовиче: Грушевский в „Україні“, 1927, № 6 (25); Данилов „До історії „Малоросс. Песен“ М. А. Максимовича“, „Україна“, 1928, № 4 (28); Савченко „Перший збірник укр. пісень Максимовича“, „Україна“, 1927 № 6 (25). О Котляревском: Рябінін „Запорозька козаччина й І. П. Котляревський“, „Україна“, 1926, № 2—3 (17); Котляревський „Енеїда перелицьована на укр. мову“ 1798; О Срезневском: „Україна“, 1929 № 37 (жовтень), с. 39; Ефремов. О Маркевиче: Марковський „Шевченко и Мик. Маркевич“, „Україна“ 1925, № 1—2 (11). О Костомарове: В. Семевский „Кирилло-Мефод. Об-во“, изд. „Голоса Мин.“ 1918. О Кулише: Жизнь Кулиша в „Правде“ 1868 г., перепеч. в „Громаде“, укр. збір., № 2 (1878); его сочинения; О. Юровська „Куліш і Грабовський“, „Україна“, № 36, 1929, вересень. О Шашкевиче: Франко „Король балагулів Шашкевич“, „Зап. Н. Т. ім. Шевченка“, т. 57; ст. Арабожина „Галиция“ в Энц. словаре Брокгауза.

О Шевченке: С-а. „Ш. та його думки про громад-

*) Здесь Шевченко говорит от имени русских.

**) „До мертвих і живих і ненарожденних земляків моїх в Україні і не в Україні сущих моє дружеє посланіе“.

*) „Громада“, Укр.-збірка, т. IV, 150.

ське життя", и комментарии Драгоманова к этой статье: „Громада", т. 4, Женева, 1879; Новицький „Ш. в процесі 1847 року", „Україна", № 11; Шпитковський „Гайдамаки" Шевч. як пам'ятка Коліївщини" в „Збірник. пам'яті Т. Шевч.", Київ, 1915; Навроцький „Гайдамаки" Т. Шевч.", Держ. вид. Укр., 1928; Эварницкий „Запорожцы в поэзии Шевч." в „Летопис. Екатериносл. Учен. Архив. Комиссии", т. VIII и отд. изд. Екслв., 1912.

Об Андрузском: „Былое", 1907, сент., с. 132.

М. Еремиев.

Франция и казаки в прошлом.

(Доклад, прочитанный в Донской парижской станице 20 марта с. г.).

По приглашению правления Донской станицы я имею честь сделать небольшое сообщение о сношениях казачества с Францией в прошлые времена и об отношении Франции к казачеству, в котором она не без причины видела силу, могущую быть противопоставленной, безудержно развивавшемуся в двух прошлых столетиях российскому империализму. Я считаю, что знание этих фактов не будет лишним для каждого казака патриота, а особенно потому, что официальная Россия делала все возможное для того, чтобы знания эти были навеки погребены в пыли архивов и никогда не попали бы в руки людей, сохранивших воспоминание о прошлой свободе их народов.

Начиная свое сообщение, я не могу не упомянуть о том, что как раз вчера местная украинская колония и украинские колонии во всем свете праздновали 300-летие со дня рождения казака, имя которого известно всему цивилизованному миру, казака, прославленного Вольтером, Байроном, Дероледом, Гюго и другими великими мастерами — Гетьмана Ивана Мазепы. Имея такого представителя во всемирной литературе, казачество, не только украинское, но и в его целом, может не бояться, что имя его когда либо будет забыто в Европе.

Не останавливаясь на фактах пока еще исторически не проверенных, как например на указании участия запорожских казаков в осаде Ларошели во времена Людовика XIII, где, якобы, принимал в чине сотника участие будущий славнейший наш Гетьман Богдан Хмельницкий, мы должны отметить что уже в царствование Людовика XV Франция беспрестанно обращала свои взоры на казаков, которых в это же время всеми способами стремилась прибрать к рукам Россия, видевшая в них единую помеху своего движения на Юг и на запад.

Переписка того времени французского Министерства Иностранных Дел с его послом в Константинополе — Виленевым и в Варшаве — де Монти, а также с Крымским Ханом Каплан Гиреем, заключает многочисленные указания на то, что французский король был очень озабочен судьбой „Козацкой Нации" и употреблял все усилия для того, чтобы видеть ее на стороне Турции против России. К сожалению, с одной стороны напористость и рубли русских агентов, а с другой подкупность и слабость турецкого правительства помешали этой комбинации и Турция была первая за это жестоко наказана, потеряв в течение короткого времени почти все свои европейские владения, не без участия во враждебном лагере казаков, которых еще так недавно дальновидная Франция предлагала ей в союзники.

Одним из наиболее любопытных документов этой эпохи является проект перенесения Запорожской Сечи... во Францию. Проект этот, который в действительности был далеко не таким нереальным, как это теперь может показаться, был предложен Григорием Орликом, офицером французской службы и сыном Гетьмана Орлика — наследника Мазепы. Он состоял в том, чтобы устроить казачьи поселения на Рейне, на границе между Францией и Немецкими княжествами, и таким образом не только обеспечить с этой стороны границу, но, одновременно, снабдить французскую армию легкой кавалерией, которая могла бы соперничать с австрийскими гусарами, применявшими почти казацкие методы боя. В 1735 году проект этот был принят единогласно Высшим Военным Советом под председательством знаменитого маршала Бель Иля. Были немедленно ассигнованы соответствующие фонды и Орлику было поручено разработать подробный план перевозки казаков, их расселения, снабжения и т. п. Все это было уже готово, когда появилось неожиданное препятствие в виде категорической оппозиции турецкого правительства. Турция не захотела выпускать из рук такого крупного козыря в игре с Москвой и, несмотря на представления Франции, категорически отказалась отпустить казаков, не желая в то же время предпринимать что либо решительное, чтоб привлечь их на свою сторону. Эта политика, основанная на подкупе и дворцовых интригах, руководимых из Петербурга, скоро показала свои результаты. Турция была разгромлена, а Сич оказалась не на Рейне, а „по Указу" на Кубани.

Заканчивая эту эпоху, было бы несправедливым не упомянуть о любопытном документе, подписанном самим королем Людвиком XV-мы, а именно о брачном контракте вышеупомянутого Григория Орлика, который женился в Версале на маркизе де Дентевиль, представительнице одного из лучших родов Франции, и где он именуется: „Сын Высокомогущественного Господина графа Филиппа Орлика, Вождя Козацкой Нации".

Разгром союзников Франции, Турции и Польши, а затем несчастное царствование Людовика XVI, естественно, оттеснили на задний план как страх Франции перед бурным развитием российского империализма, так и заботу о угнетаемых Россиею народах; но обстоятельства показывают, что во французском общественном мнении эти идеи были живы и в этот период.

Мы здесь остановимся только на речи Буасси д'Англа, знаменитого депутата парижского Конвента и одного из виднейших деятелей Комитета Общественного Спасения, сказанной на заседании Конвента 11 плювиоза III года Республики (30 января 1795 года) и направленной непосредственно против российской опасности, угрожавшей, по мнению оратора, всей Европе и всей европейской цивилизации. Речь эта продолжалась два часа и мы приведем из нее только несколько отрывков:

„Проснитесь вы, спящие народы Европы, король Пруссии и вы, все морские государства! Где ваши флоты, ваши силы, ваши земледельцы, ваши финансы, ваша кровь? Вас заставили всем этим пожертвовать, чтоб предоставить России владение землей, а гордому Альбиону владение морем. Забыли ли вы, что обитатели Севера некогда разрушили Римскую Империю, более сильную и непоколебимую, чем ваши? Нужно ли вам напомнить эти нашествия готтов и вандалов, которые залили всю Европу и разрушили все империи? Нужно ли вам напомнить, как Россия, давши 60 лет назад частичное образование своему варварскому народу, который, восприявши новейшее военное искусство и тактику, сохранил в то же время свою дикую силу, уже унизила китайцев, основала свои колонии на берегах Америки, поколебала Кавказ, покорила Грузию, ввела свои законы в части Персии, покорила Казаков, уничтожила Татар, завоевала Крым, разделила Польшу и угрожает Константинополю".

„Не видите ли вы, как честолюбивая Екатерина, давая лживые обещания эмигрантам и разжигая вражду немецких князей против французской свободы, сумела вовлечь своих врагов в войну, которая их истощает, для того, чтоб завладеть Польшей и таким образом открыть для себя двери Германии".

„Я знаю, что мне скажут и не без основания, что Русская Империя — это колосс на глиняных ногах, что,

увеличиваясь, она сама себя ослабляет и что каждое ее завоевание — это шаг вперед к ее разрушению. Я согласен со всем этим, но помните, что этот гигант, раньше чем погибнуть, вас же уничтожит. Он не распадется раньше, чем не опустошит, не унизит и не уничтожит ваши государства. Датчане, шведы, немцы, пруссаки, турки, — подумайте об этом. Время летит, московская река вздувается, Аттила второй раз надвигается на Европу и вы погибнете, если вы во-время не об'единитесь, чтоб остановить этот опустошающий бич."

Оставляя в стороне пышную революционную диалектику того времени, нельзя не признать, что эти забытые слова, сказанные 150 лет тому назад, сохраняют во дни Сталина ту же свежесть, какую они имели во дни Екатерины.

Наследник революции — Наполеон был первым из тех, кто попробовал придать реальное содержание традиционным антирусским формам французской политики, но деятельность его в этом направлении слишком обширна, чтобы могла быть охваченой в этом коротком сообщении и поэтому я ограничусь упоминанием только о двух его проектах.

Первый, составленный в 1802 году, т. е. еще во времена консульства, принадлежит его агенту в Константинополе Годену, который предложил организовать на берегах Черного и Азовского морей, на Украине, на Дону и на Кубани ряд французских военных поселений, которые бы, в согласии с местным населением, мало по малу оттесняли Россию на север и подготовляли бы полное освобождение казачьих и украинских земель.

Второй проект, тоже одобренный Наполеоном, был составлен прямо в Париже в Министерстве Иностранных дел графом д'Огрив и касался не более не менее, как образования из Украины и смежных казачьих земель независимого государства под именем Наполеониды, под протекторатом Франции, государства, которое, по мысли проекта, должно было служить мощным барьером против движения России на Турцию, на Балканы и на Кавказ.

Но и на этот раз судьба судила иначе. Внутреннее положение Франции скоро стало таково, что эти проекты Наполеона, как и многие другие, остались лишь в глубине архивов, как памятники его политической прозорливости.

После падения Наполеона, Франция долгое время испытывала последствия революций и войн и ее политика всецело зависила от других государств, которые в этот период в большинстве случаев шли на поводу у России, начинавшей играть первенствующую роль в Европе.

Только при Наполеоне III Франция начинает опять занимать свое место в Европе и политика ее, как мы знаем, сейчас же обращается к ослаблению России на Черном море. Я не буду здесь упоминать, конечно, о Севастопольской кампании и других общеизвестных фактах и остановлюсь только на интригах Петербурга, имевших целью создать в Европе убеждение в существовании особой российской нации и в единстве населяющих Россию народов, и на общественном движении в защиту Европы от российского нашествия, вызванного этими интригами.

XIX-й век начался в атмосфере идей демократизма и либерализма, вызванных к жизни французской революцией, а поэтому прямое нападение на соседние народы, какие Россия практиковала в XVIII-м веке, казалось невозможным и без сомнения вызвало бы всеобщее осуждение. Нужно было искать новые пути для экспанзии и они были скоро найдены в панславизме: славянские ручьи должны были слиться в русском море. Этим сразу убивалось два зайца: закреплялись уже завоеванные славянские народы и получалось право двигаться в Европу на „выручку" угнетенных славян. Но для этого, как это теперь не кажется странным, нужно было укрепить в самой Европе мнение в славянстве самой России, которую эта самая Европа еще ясно помнила в образе полумонгольской Московии, (солдаты которой с'ели в Париже в 1814 году все сальные свечи) и чтобы в этом успеть нужно было поступать крайне осторожно.

В 1840 г. Министр Народного Просвещения Франции внес в Парламент скромный законопроект об учреждении в Коллеж де Франс кафедры славянского языка и литературы. Законопроект, естественно, был принят без протестов, т. к. самый тонкий политик едва-ли бы был в состоянии раскрыть его тайный смысл. Во исполнение этого закона в Коллеж де Франс была учреждена кафедра... русского языка и русской литературы. Такое положение вещей продолжалось до 1868 года, когда сенатор Казимир Деламар, известный ученый, финансист и директор государственного банка, внес в Парламент проект изменения упомянутого закона озаглавленный: Множественное число вместо единственного и панславизм уничожен в самом корне.

В этом проекте Деламар подробно разобрал историю вопроса, указывая, что как только закон был принят в апреле 1840 года, в июне того же года в Петербурге появился указ в котором заявлялось что „исторически подтверждено и принято общественным мнением Европы, что Великороссы сведены с Белоруссами и с Малороссами общим славянским происхождением" и, утверждая, что Россия таким образом хочет утвердить свое господство над покоренными ею славянами, предложил изменить закон, назвав кафедру: Кафедрой Славянских языков и литератур.

После такого предисловия, вы не будете удивлены, узнавши, что целых две группы влиятельных депутатов оспаривали друг у друга честь внести поправку к этому скромному закону в заседании 17 июля 1868 г. и что она была принята единогласно после речи Карно, который сказал, между прочим, следующее:

„Идея панславизма, эта упорная идея, которой охвачена Россия, имеет свои определенные методы, которые применяются с большой настойчивостью. А именно: убедить в единстве языка для того, чтоб установить единство расы, а через это единство достигнуть полной ассимиляции захваченных территорий. Такова цель и вот дорога, которая к ней ведет".

„Посредством своих эмиссаров, посредством своих этнографических конгрессов Россия проникает до самого сердца славянских провинций Австрии и ее пропаганда распространяется повсюду: в Париже так же, как в Вене, в Берлине так же, как в Белграде, в Бухаресте и в Константинополе. Она проявляется всюду и всюду с ней нужно бороться тем же оружием, если, конечно, не придется применить иного".

„Я сказал уже, что российская пропаганда это маска, скрывающая ее жажду завоеваний и посмотрите, что она делает с народами, которые очутились под ее властью. Она их уничтожает. Не говорим только о поляках, она не лучше обходится с украинцами и с белоруссами, когда они просят национальной свободы, а они ее требуют".

„И если России удастся когда либо реализовать свою мечту захвата всего славянского мира, она повиснет такой тяжестью над Европой, что вся Европа будет у нее в подчинении, да, в подчинении. Но не думайте, что этот славянский элемент в ней будет господствовать. Нет, это будет элемент московский, а с ним триумф азиатской цивилизации над европейской."

„Франция, естественно, на стороне освобождения славян и этот вопрос должен быть решен в согласии с Германией, которая должна, наконец, понять, что в этом вопросе ее интересы сходны с французскими и что в действительности есть только две важных политических проблемы: проблема Европы и проблема Москвы".

Поправка была принята единогласно и таким образом было впервые официально установлено стремление России захватить и ассимилировать все славянские народы.

Грянувшая франко-прусская война надолго искривила традиционную линию французской политики в восточных вопросах. Надолго, но нужно надеяться не

навсегда, т. к. и сейчас уже замечается в этом направлении некоторый сдвиг. Я здесь не имею в виду признания европейским общественным мнением права на существование за покоренными Россиею народами, что общеизвестно, а хочу только отметить, что традиционная линия французской политики, намеченная Людовиком XV, и идеи Деламара начинают мало по малу вновь занимать свое место в общественной мысли Франции. Уже сегодня мы можем отметить создание в Париже комитета под именем „Комитета Деламара", составленного из парламентариев, из которых многие с крупными именами, который поставил своей целью возродить идеи славного борца против российского империализма и распространить их во французском обществе.

Заканчивая это сообщение, основанное исключительно на подлинных исторических документах, я позволю себе сделать из него следующие выводы:

1. Распространенное в последнее время в Европе мнение о единстве России и о праве ее на владение завоеванными ею народами было привито искусственно путем упорной политической работы и интриг российского правительства заграницей.

2. Преподаваемая в настоящее время в школах Европы история Российской Империи совершенно не сходна с той, которая была принята еще в начале прошлого века, и сфабрикована с политической целью в канцеляриях Петербурга.

3. До средины прошлого столетия покоренные Россией народы, а в том числе и казаки, были в Европе более известны и пользовались большими симпатиями, чем сама Россия.

4. Традиционной политикой Франции, с малыми перерывами, один из которых мы сейчас к сожалению переживаем, была борьба сначала с московским, а после переименования Москвы в Россию с российским империализмом, с опорой на казаков и на другие покоренные Москвой народы.

История, к сожалению, не делается быстро, но не будет ничего удивительного, если правительство III-ей Республики, а с ним и вся Европа, в скором времени поймут, что империализм Петра и Екатерины, панславизм Александра и Николая и большевизм Ленина и Сталина есть явления одного и того же порядка.

Проснитесь вы, спящие народы Европы. Аттила надвигается во второй раз и вы погибнете, если во время не об'единитесь — воскликнул почти полтора столетия тому назад Буасси д'Англа, указывая на Россию, и сегодня его слова может с правом повторить каждый европеец, сердцу которого близки счастье его нации и существование его национальной культуры.

И. М.

Еще о гимнах.

Знакомясь с проектами гимнов Казакии, напечатанными в „В. К.", замечаем, что уважаемые авторы проектов не совсем точно поняли мысли г. Бытынського, автора статьи „Гимны" („В. К." №№ 80-81), относительно требований, какие пред'являются творцам текста гимна.

Гимн, как целое, относится, так сказать, к прикладному художественному творчеству. Гимн в современном понятии представляет продукт творчества, — собственно, двух видов искусства, — поэзии и музыки.

Античный мир, гимны какого являются для нас первообразом, этого разделения не знал. Наше представление искусства одних звуков очень многим отличается от представления античного. Народ, которому мы обязаны словом „музыка", т. е. древние греки, понимал под музыкой не один самодовлеющий вид искусства, а лишь особую отрасль общего целого искусства „муз". Греческая музыка представляла собою триединое искусство звуков, — музыки, поэзии и танца. Противоположением была триада искусств изобразительных, — зодчества, ваяния и живописи.

Античный мир в самом процессе своего творчества не разделял музыки и поэзии, современность же их разделяет, и потому современный гимн есть как бы результат двойного творчества. Если для гимна искать сравнения, то его легче всего найти в церковных песнопениях, которые в первоначальной форме — тоже гимны. Для гимна, в котором первенствующую роль играет словесное (текстуальное) содержание, мелодия представляет из себя уже творение последующее; музыка передает те интенции, которые содержатся в слове. Таким образом, музыка гимна есть результат вдохновения, сконцентрированного в содержании словесном, и это содержание слова вместе с содержанием музыки должно быть едино, обще и нераздельно.

Вспомним, как неполно и плохо чувствуем, или вернее, воспринимаем пение чужого гимна в переводе; много понятнее для нас чужой гимн, исполненый инструментальным ансамблем — без слов. В этом случае наблюдаем удивительную силу музыки, которая скрыта в ее жизненности: волей или неволей должны подчиниться диктату звуковой силы, даже в самом примитивном ее проявлении — в равномерной смене ритмических единиц, в смене обозначенных и необозначенных ударением частей. Но еще более сильна власть этой силы, когда она преломлена организующей волей человеческого разума и выражена в стройном построении — композиции; в ней ритмическая основа одета в плоть мелодии и гармонии, и эта плоть живет.

Музыка создает настроение уже совершенно сформированное, сообщает его слушателю, как бы наделяя его им. Музыка создает готовое настроение потому, что не располагает средствами для выражения предыдущего ряда представлений подготовительного характера; в то время как поэзия для той же цели владеет двумя путями: в первом — она рисует те представления, вследствие которых должно появиться требуемое настроение, во втором — она пользуется символическими образами, которые вызывают необходимое настроение. Эти моменты еще раз подчеркивают значение слова в гимне, ибо музыка в том лишь случае является следствием вдохновения словом, когда это слово даст выразительный и соответствующий образ, а через него и требуемое настроение. Соединение этих двух тонических искусств наилучше характеризуется словами, которые слышим в Богослужении: „И даждь нам едиными усты и единым сердцем славити и воспевати Пречестное и Великолепое Имя Твое"... Это — эстетическая аксиома, которую пред'являет церковь своим гимнам, и этой аксиомой мы можем так же руководиться в отношении гимнов государственных — светских.

Гимн, как словом, так и музыкой должен быть воплощением величественных идей патриотических. Как форма государственной власти есть персонификация идей государственно-национальных, так и гимн в своих двух моментах „уст и сердца" должен быть такой же персонификацией чувства славы, силы и правды своей родины. „Уста и сердце", об'единенные лишь в величественном моменте вдохновения, как результат безграничной любви к своей родине и ее обоготворения, смогут прославлять свое самое дорогое на земле.

Сравнивая гимн государственный с церковными песнопениями, должны заметить, что кроме главного родственного основания эстетического характера, во всем остальном между ними существуют различия, особенно в характере самой музыки. Церковная музыка стремится к наивысшим границам мистики, к наибольшим глубинам экстатического отображения, — светская музыка есть свободна, красочна; церковная музыка тянется в долгих туманных созвучиях, — светская музыка есть ритмически свободная и оживленная; церковная музыка есть звучащей вселенной, в которой каждый тон равноправен, — в светской музыке ясное сопрано поет над гармониями. Никакой компликации! Душа отдает Божье Богу и земле земное. Это — разница, ко-

нечно, только в общих чертах, между церковным и светским содержанием музыкального выражения, и разница между церковными и светскими гимнами.

Самая же главная практического характера разница наблюдается в том, что церковный гимн неограничен во времени, тогда как для гимна государственного время играет первенствующую роль: на протяжении 2—3, наиболее 5 минут гимн должен быть исполнен и должен создать соответствующее впечатление.

Принимая во внимание то обстоятельство, что исполнению гимна иногда можно уделить очень мало времени, он должен быть со стороны поэтической построен строфично, т. е. так, чтобы каждая строфа представляла собой уже совершенно оформленное, законченное целое, а строфа первая вмещала бы все, что содержит в себе целый гимн; кроме того в нем должны быть только обобщения и символы, которые характерны для данного государства. В гимне ничего не должно быть спорного, он должен быть идейно общепризнанным, и в нем не возможны лозунги и тезисы временного, — партийного или какого либо иного характера. Гимн не должен звать к уничтожению кого то или чего то, потому что в жизни государства такие моменты временны, и позже могут совершенно измениться: вчерашние враги могут завтра сделаться если и не приятелями, то, по крайней мере, добрыми или нейтральными соседями. Также надо быть осторожным относительно текста, — необходимо обращать внимание, чтобы в нем не было моментов утверждения негативного характера, как это видим в начальных предложениях Украинского и Польского гимнов. Конечно, указанные гимны создались в яркие моменты жизни обоих народов, но это дает им право являться только песнями исторически-патриотического характера. Таких примеров возможно привести очень много; все почти гимны, принадлежащие современным вновь возникшим государствам грешат в большинстве случаев „временностью“ и поэтому не являются гимнами (так как гимн по своему содержанию должен быть универсален), а только песнями, которые до некоторой степени случайно были созданы в определенные моменты исторической жизни нации, а потому и относятся или принадлежат только этому моменту. Время и частое употребление этих песен сделали их гимнами, между тем как настоящий гимн должен в своем содержании выделять и возвышать только главные положительные моменты государства и нации в их историческом бытии. Гимны старых государств более соответствуют своим задачам и назначению, так как они, при постоянстве своего государственного устройства, сохраняют те моменты старой государственной традиции и задач, с которыми государство пережило и доброе и злое.

Гимн в настоящий момент, момент определенной высоты художественного развития, должен всецело стоять на уровне современности. Гимн, который должен быть мощным по своему литературному и музыкальному содержанию, естественно должен отвечать и современным формам искусства, не пренебрегая моментами национальной традиции.

Теперь, обращаясь к самим поектам гимна Казакии уже напечатанным, хочу сказать о них несколько слов, и постараюсь указать, насколько они практически отвечают требованиям им, как гимнам, пред'являемым. К сожалению, ни один из проектов не отвечает вполне поставленной цели. Некоторые из этих проектов, в большинстве случаев, хороших литературных форм, являются довольно удобными для использования их и музыкально; но они не отвечают вполне требованиям гимна, потому что все грешат текстуальной растянутостью (т. е. содержание не сконцентрировано), временностью содержания и т. п. Некоторые из проектов, кроме того, обнаруживают и посторонние влияния. Безусловно, эти влияния проявляются совершенно случайно и они вполне понятны: творец текста гимна часто незаметно для самого себя подвергается влиянию уже известных ему произведений. Уважаемые авторы проектов не совсем ясно представляли себе требования, предлагаемые творцам гимнов. Среди проектов гимна нашелся один и не плохой, но который в ритме и метре подчинен известной, довольно шаблонной текстом и особенно музыкой — песне про Кудеяра. Из всех же проектов, кажется, наиболее соответствовал бы, скажем, временому употреблению, проект гимна П. Крюкова („В. К.“ № 91) „Славься Казакия“... и то лишь вторая строфа его:

„Славься на веки Казакия Вольная!..
Славьтесь на веки Вы — реки и степь!
Мы за Тебя, наша Родина Вольная
Гордо сомкнемся в могучую цепь!“

Первая же строфа имеет слишком много „географии“ и при том не оправданной, ибо если перечислять все местные названия, от которых произошли имена отдельных казачьих Войск, то пришлось бы употребить, по крайней мере, семь географических имен.

Вот это, кажется, и все, что можно было сказать относительно требований, пред'являемых творцам текста гимна, когда такой текст творится сознательно. И если эти требования исполнены, то и гимн может быть и даже должен быть таким, как он был выше в целом определен.

Рассмотрим гимн только как музыкальное произведение. Он должен иметь для нас значение большее, чем обыкновенная патриотическая песня. Гимн в музыкальном понятии, т. е. в отношении формы, безусловно песня, но песня истинной культуры, достигшей высшей простоты и максимального выражения стремлений данного человеческого общества в борьбе за новую жизнь. Чтобы создать такое муыкальное произведение, композитор в своем творчестве должен быть сам членом этого общества и строителем этой жизни, потому что пересоздавать в этом направлении творческую мысль — тяжело. Наилучшим критиком для созданного гимна явится сам народ. Его здоровое чувство требует от искусства совершенной связи между музыкальным содержанием и формой; он отбрасывает все, где форма использована лишь как цель, и где художественное произведение не является действенной, направленной к яркой жизненной цели мыслью, а лишь бессодержательной „игрой форм“. Структура гимна может быть очень простой, но это не значит, что она должна быть условно примитивной, построенной по примитивному шаблону. Наоборот, даже наиболее привычная условность, какую возможно не заметит музыкант-специалист, может быть замечена людьми, не привыкшими к этой условности, как насилие над развитием мысли, естественно ожидаемой. Также массы дают строгую оценку и самим деталям структуры.

Очень тяжело сформулировать требования, связанные с музыкальным содержанием гимна. Можно, конечно, сказать, что музыка в своем содержании должна быть отображением воли и сознания строителя новой жизни. Но что это обозначает в переводе на язык, которым определяем формальную структуру музыки? И как, вообще, можно говорить о связи идеологического содержания с формальной структурой, если мы лишены образца, который бы совершенно отвечал поставленным задачам? В этом случае приходится довериться лишь интуиции творца и интуиции воспринимающего художественное произведение.

Несомненно, и в прошлом можно кое-что найти, даже возможно исследовать историю искания путей к созданию действительной песни-гимна. Но как невозможно гальванизировать старую песню для новых форм и жизненных стремлений, так нельзя строить и выражения нового музыкального языка по образцам языка прошлого. Но это не значит, что все прошлое должно быть отвергнуто. Если говорим об освобождении от шаблона, о четкости и выразительности каждого хода голоса, об устранении неестественной стилизации, о совершенной связи между содержанием и формой, — то все это относится к способам художественного выражения и в прошлом; но совершенно иное содержание прошлого и настоящего, и нельзя согласиться с тем, чтобы настоящее было каким-то перепевом прошлого. Имеется музыка гимнов, которая построена по образцу условно народной песни, этот образец для нового гимна уже не подходит, потому что всякая условность искусственна. Или же имеем пример противо-

положной стилизации, — под маршевую музыку с рубленным метром и резкими ходами голосов, чтобы передать таким способом решительность и неумолимость; это, собственно, правдивый прием, когда желают выразить волю и чувство, но не всякий композитор мог обладать той самой волей, и получался марш, но на месте. Надо же использовать все достижения прошлого и настоящего, а уже истинный творческий талант и художественная интуиция композитора и укажет те пути, какими он прийдет к соединению „уст и сердца" в величественном гимне.

Создать гимн Казакии в условиях эмигрантской жизни — тяжело, потому что стремления духа скованы буднями жизни с их узкими и ограниченными законами... Но, будем верить, что победителем явится воля духа казачьего, уверенного в своей силе и правде. Казакия имеет ту великую славу, что казак не только „не будет рабом", но никогда им и не был.

Нагрудный (бортовый) знак В. К.

По издавна установившемуся обычаю многие общественные организации, профессиональные и вольные товарищества, студенческие, спортивные кружки и т. д. употребляют свой собственный особый корпоративный значок для ношения членами корпорации на груди (борту или в петлице).

В два раза увеличенный проект нагрудного значка В. К.

Главным назначением такого корпоративного значка является внешним образом обозначать принадлежность своих членов к той или иной организации; с этой целью указанные значки обыкновенно несут на себе в большинстве случаев надписи, вензеля, начальные буквы названия организации или какие либо предметные изображения, принятые организациями за свои аттрибуты.

Помимо этого, так сказать, трафаретного общего типа знаков, существуют еще и иные символические значки, употребляемые главным образом организациями идейными, т. е. такими, члены которых соединяются и связываются в известный организованый коллектив не по внешним признакам (профессия, общества любителей), а в силу общности каких либо общих идей и стремлений. Значки таких идейных обществ, кроме обыкновенного трафаретного обозначения названия общества или даже без него, вмещают в себе, как существеннейшую часть, свои девизы или эмблемы и символы, кратко и лаконически обозначающие их общее коллективное „кредо". Такие значки обыкновенно и в большинстве случаев присущи различным религиозным обществам, политическим организациям, массонским ложам, различным национальным группировкам, особенно у порабощенных народов, у которых наивысшим символом их идей и стремлений очень часто служит национальный или государственный герб. Из этого уже видно, что назначение такого символического значка более широкое и содержательнее обыкновенного значка трафаретного.

Символический значок, помимо естественного обозначения принадлежности членов к известной организации, имеет главной задачей быть выразителем и глашатаем ее идейных, духовных оснований (как знак креста в христианстве); говоря без слов своими выразительными пластическими символами, такой значок является как бы постоянным неумолчным пропагатором тех идей, символы которых он на себе несет и которым служит его организация.

На основании сего принципа и В. К., всегда стремящееся честно, мужественно и открыто пропагандировать свои политические национально-государственные идеи и святые освободительные стремления Казачества, устанавливает у себя для всех своих членов свой собственный вольно-казачий значок для ношения на груди (на борту).

Значок В. К. есть однотонный бронзовый, размерами 3×1,6 сантиметра, представляет из себя пятиугольный общий щит, заостренный книзу. На общем щите: в верхней половине поля „малый герб Казакии" с бунчуками, связанными булавой посредине; гербовый щит украшают вверху семь булав в виде нашеломника и по бокам орнамент в виде гербовой прикрывки; герб Казакии опирается на скрещенные перо и саблю, служащие символами духовной и физической сил, которые всегда готово отдать В. К. на служение своей земле и государству. В нижней половине общего щита значка параллельно верхнему щитовому краю через пересечение сабли с пером — цифровая подпись: „1927-10-XII" — дата основания журнала „В. К." послужившая началом возрождения вольно-казачьего движения.

В оконечности значкового щита (в „пяте" щита) начальные буквы Вольного Казачества — В. К.

Если в течение ближайшего времени никто не предложит более удачного проекта значка, чем нами предлагаемый выше, то настоящий проект будет считаться принятым.

Будут приняты, конечно, во внимание и замечания или соображения о тех или иных улучшениях предлагаемого проекта.

ОТ РЕДАКЦИИ.

В виду некоторых вопросов относительно того или иного понимания предупреждения редакции, помещенного в 98 и 99 номерах „В. К." и касающегося сотрудничества сотрудников нашего журнала в других изданиях или состояния вольных казаков в других организациях, враждебных В. К., настоящим еще раз заявляем следующее:

Мы не можем согласиться, чтобы сотрудники „В. К." сотрудничали в других изданиях, цели и программы которых не совпадают с целями и программою В. К. Поэтому те, кто такое „совместительство" до сих пор допускал, должны раз навсегда выбрать одно из двух: или „В. К." или то — другое. Почему мы этого требуем — в свое время мы уже говорили. Повторим и еще раз. Если кто сотрудничает одновременно, положим, в „В. К." и „К. К.", то и тот и другой будут считать такого сотрудника своим и один из них „ошибется". Кроме того, и читатели подозревают потом таких сотрудников в том, что они „играют на два фронта", оставляя за собою право выбрать в последнюю минуту, того, кто будет иметь больший успех.

То же самое относится и к активным политическим организациям, программы или деятельность которых противоречат программе, целям и задачам В. К. Вольные казаки в таких организациях состоять не могут.

Наше требование не распространяется на не политические организации, напр. казачьи станицы и хутора, носящие характер организаций бытовых и не ведущих активной борьбы с вольно-казачьим движением.

Казаки — к казакам.

Уважаемый г-н Редактор!

Мы, нижеподписавшиеся, группа вольных казаков в Кочанах — Югославия, просим не отказать в любезности поместить в Вашем журнале „ВК“ нижеследующий наш призыв-протест:

Зорко следя за русской и иностранной прессой, в последнее время мы замечаем, что „белые“, с которыми вместе мы выброшены заграницу, постепенно „розовеют“, все чаще появляются в их печати одобрительные статьи в адрес большевицкой политики и — весьма правдоподобно — не пройдет много времени, как они совсем покраснеют, а тогда, протянув руку примирения большевикам, они займутся поисками „виновников“ их долгой разлуки со „своими“... И кого же обвинят эти наши бывшие горе-союзники? — Обвинят Казачество! Разве не обвинили они нас в своем неуспехе в борьбе с большевиками в 1917-20 годах, нас, которые принесли наибольше жертв в борьбе за освобождение чужой нам России? Тогда мы по своей политической слепоте, вместо того, чтобы, освободившись от долгой неволи, устраивать свою казачью жизнь, пошли освобождать от большевиков Россию, ту Россию, которая на протяжении веков своей политикой „собирания земли русской“ грубо душила в зародыше всякую свободную мысль в казачьих умах и которая навязывала нам свой порядок, свои положения об управлении, не считаясь с казачьим укладом жизни.

Отстаивая свои вольности, много погибло казаков. Много голов слетело с казачьих плеч в прошлом! За малым исключением, виновниками неуспеха в борьбе Казачества против русской империалистической политики, была казачья же старшина, — войсковые и наказные атаманы. Из них, одни из боязни попасть в опалу, не противодействовали русской политике, проводимой в казачьих краях, другие же, льстясь обещаемой наградой или просто признательностью русского правительства, намеренно толкали Казачество в русское ярмо. Отличавшаяся, в подавлении казачьей независимой мысли, старшина получала в собственность земельные участки, вырезаемые из казачьих же земель. Таким образом казачья старшина помогала русскому правительству подавлять казачью волю, казачью свободу.

Угнетаемое постоянно, Казачество забывало свое происхождение и свое прошлое. Казачья слава угасала... Мы переживаем времена, когда „история Казачества повторяется“. Получив во время революции 1917 года возможность возродиться и сбросить русское ярмо с своих плеч, Казачество быстро восстановило свой исконный уклад жизни, свои права, но по своей политической незрелости в массе, руководимое старшиной русского толка, так же быстро их и потеряло. Виною старшины Казачество вновь попало в неволю. И вот тут-то казачья старшина и показала себя в своей настоящей роли...

Очутившись заграницей, мы думали, что казачьи вожди, разобравшись в происшедшем, осознают свои ошибки и в будущем их не повторят. На протяжении нескольких лет мы не слыхали политических выступлений вождей, особенно Кубанских, и в душе таили надежды, что наши вожди единодушны с вольно-казачьей идеей. В последнее же время на Кубанском горизонте появились фигуры „экс-вождей“, не пользующихся за свою прошлую „работу“ доброй репутацией, но, видимо, рассчитывающих на свой... „авторитет“.

Они проявляют свою активность в том, что смещают „не угодных“ атаманов станиц, которые выбирались на свои должности по несколько лет подряд, а назначают „административных“. С чувством негодования встретили мы известия о таком поведении наших вождей.

Они призывают Казачество бороться против вольно-казачьей идеи, уверяя, что самостийность новое течение, что оно временно. Мы же утверждаем, что самостийность стара, как и само Казачество, и что она ширится с каждым днем...

Мир на рубеже экономических и социальных потрясений. Это учитывают и наши вожди, а потому, опережая события, стараются держать нас, казаков, в неведении, чтобы потом в наступившей мировой катастрофе, при случае, употребить нас для своих целей. Вот почему наши вожди не советуют заниматься нам политикой!

Будемте же, братья казаки, готовы к новым потрясениям, которые, будем надеяться, принесут нам освобождение и от красных и от „белых“.

Пока никто не насилует нашей совести, пока свободен наш дух, пока мы имеем возможность высказывать свои мысли, повысим свой голос в защиту Казачества, толкаемого на новые испытания теми же руками, которые в недавнем прошлом бросили Казачество в его теперешнее положение. Мы призываем всех казаков, любящих свои Края, поднять голос протеста против поступков наших вождей.

На протяжении веков, русская история старательно скрывала от казаков их происхождение, внушая им в то же время их происхождение от беглых русских холопов и разбойников. Русские, ведя такую политику, имели свои стремления, свои планы. Вот почему мы в массе своей, не зная своей истории, не были подготовлены к революции 1917 года, а потому и не сумели завоевать тогда себе самостоятельность. Наши вожди и казаки русского толка основывают свои доводы на том, что нигде в русской истории не пишется о Казачестве, как существовавшем самостоятельно и боровшемся в прошлом за свою самостоятельность.

А пишется ли где в русской истории, что царь Петр I пускал вниз по Дону плоты с повешенными казаками-донцами? Не казачьими ли руками он воздвигал Петроград на болоте? А царь Павел I — не двинул ли он на безумный шаг — покорение Индии — весь Дон? — и если бы не его смерть, всем бы донцам погибнуть в Азиатских безводных степях... За что погибли Пугачов, Разин, Булавин, Грузинов, Степанов, а в наши времена Рябовол, Кулабухов и другие? Эмиграция Запорожцев и Некрасовцев в прошлом — не есть ли результат сопротивления Казачества русской политике? Тогда с казаками эмигрировала и старшина, потому что она была с казаками единодушна.

Нет! Этого не найти нам в русской истории.

В скрывании от рядового казачества его прошлого единодушны с русскими и многие наши вожди. Даже исторические события наших дней старательно ими вычеркиваются. К примеру скажем: Кубанская канцелярия в Белграде в изданном ею календаре в перечне событий истории Куб. Каз. Войска не сочла нужным упамянуть о повешении Кулабухова и разгроме Кубанской Краевой Рады; между тем на стр. 35 календаря отмечено: „1920 г. март. Эвакуация Войск Юга России в Крым“. Эта дата для издателей есть „важнейшее событие в истории Кубанского Войска“. А разгром Рады — дата, мимо которой авторы проходят, закрывая глаза...

Нас зовут на новые авантюры. Зовущие даже не намечают путей, по которым собираются нас вести, не говорят открыто и ясно о своих намерениях, а вместо выявления своей политической программы забивают казачьи головы туманными идеями о федерации, требуя от казаков в то же время беспрекословного повиновения и невмешательства в политику. Мы, вольные казаки, живущие в городе Кочане, всецело присоединяемся к протесту Белградских казаков-студентов и с своей стороны призываем всех казаков, любящих свои Края, рассудив своим казачьим разумом создающееся положение, поднять свой голос протеста против всех тех, кто сознательно ведет казаков к Голгофе на новые страдания. Если мы в недалеком прошлом не сумели использовать время для создания своего Казачьего отечества, не пропустим по крайней мере теперь такой момент, а всем, навязывающим Казачеству чуждые ему идеи, скажем: Прочь! Мы вам больше не верим.

Наши вожди не уяснили себе ошибок прошлого; тот же, кто ошибки повторяет — делает преступление.

Помните, казаки! Если мы останемся под Россией

и дальше, мы не будем иметь даже той свободы, какую имели в царские времена. У старой дореволюционной России, постепенно отнимавшей у казаков вольности, проводившей политику обруссения и угнетавшей Казачество веками, сложилось к 20-му веку мнение, что с Казачеством уже покончено и что оно забыло о своем прошлом. Когда же Казачество, после революции 1917 года, восстановило свои отнятые у него раньше права, свои вольности, свой образ жизни, Россия увидела, что с Казачеством далеко еще не покончено, что оно еще живо, и что борьба с ним не окончена. Вот почему белые разгоняли Раду, вешали Кулабухова и презирали вольных казаков-самостийников. Политику белых продолжали и красные, но еще с большим остервенением.

Белые и красные — одного поля ягоды, одни и другие — русские, они единодушны в уничтожении нетерпимого ими Казачества. Понимайте же, казаки, что будет с Казачеством, если оно и дальше останется под Россией. Не замечаете ли, как здесь, заграницей, русских интересует казачий вопрос, как они, нося камень за пазухой, „ухаживают" за казаками? —

Не верьте, казаки, никому, не поддавайтесь ничьим убеждениям; читайте всякую литературу — и правую и левую, и красную и белую, и вольно-казачью и единонеделимческую, и вы найдете правду, найдете направление, которое приемлемо для вас, по которому каждый казак должен идти. По нашему глубокому убеждению, рано или поздно, каждый казак признает, что для Казачества приемлемо направление, взятое „Вольным Казачеством", которое проповедует идею независимого Казачьего Государства. „Вольное Казачество" призывает всех казаков принять участие в строительстве своего Казачьего Государства, и в выработке законов для своего Государства. Призываем и мы всех казаков сплотиться вокруг „Вольного Казачества", носителя вольно-казачьей идеи, идеи независимого Казачьего Государства — Казакии.

Будем сами кузнецы своего счастья!
Да здравствует вольно-казачья идея!
Да здравствуют вольные казаки!

Подписали: Под'есаул **И. Малый, Андрей Мельников** (донец), **Яков Клименко** (куб.), **Севастьян Дацуп** (куб.), **Дмитрий Калашников** (куб.), **Андрей Шишкин** (куб.), **Семен Бобришов** (куб.), **Василий Батог** (куб.), **Иван Степанов** (куб.). **В. Главунов** (дон.), **Яков Скоробогач** (куб.).
20 апреля, 1932 г. Югославия.

Необходимое раз'яснение.

В последнем, майском, номере „Кавк. Казака", на стр. 13, в отчете о выступлении ген. Науменко в Белграде 24 прошлого апреля, читаем: ... „Войсковой Атаман призывал казаков теснее сомкнуть свои ряды около своих В. Атаманов, которые вели и будут вести казаков по пути, предуказанному им конституциями края и который единственно только спасителен для казачества... Высказав в заключение уверенность, что большинство казаков будет твердо держаться указаний конституции, выработанной на Кубани представителями от всех станиц и хуторов, генерал-майор Науменко покинул собрание"...

В том же отчете можно прочитать и то, как понимает ген. Науменко Кубанскую Конституцию. Из фраз: „Всякий иной путь, всякое уклонение с этого пути казаков и распыление их не только не принесет пользы казачеству, но будет вредить делу восстановления России и наших родных Войск"... „Для тех, кто в позиции, занятой Вольным Казачеством, видит тяжкий грех перед Россией и Казачеством"... — из этих фраз явствует, как именно толкует ген. Науменко Куб. Конституцию.

Правильно ли раз'ясняет ген. Науменко Конституцию и все ли раз'ясняет? И что делал и делает сам?

Если мы просмотрим Кубанскую Конституцию, мы не найдем там никакого упоминания о России и связи с ней. Напротив, в разделе III — об источнике и органах Высшей Власти — читаем: „Источником Высшей Власти в Кубанском Крае является воля его граждан, выражаемая на представительных собраниях. Носителями Законодательной власти в Кубанском Крае являются Краевая и Законодательная Рады, а носителями исполнительной власти — Войсковой Атаман и Кубанское Краевое Правительство. Судебная власть осуществляется независимыми судами, действующими на основаниях, в законе определенных. Судебные решения и приговоры выносятся именем закона".

Кубанская Конституция, об'являя самостоятельную государственную организацию Кубанского Края, не оставляет в этом управлении никакой роли ни России, ни ее представителям, точно также, как не говорит ничего совершенно и об участии Кубани в тех или иных делах русских.

Правда, есть „но". Эти „но" — декларативные дополнения к Конституции, принимавшиеся два раза — в декабре 1918 и в ноябре 1919 года — под прямым и непосредственным давлением Добрармии и некоторой части кубанских единонеделимцев — филимоновской партии, с одной стороны, и части строевых полковников и генералов (кубанцев же) — с другой.

Той „обстановки", в которой принимались оба раза декларации: „Мысля себя неразрывно связанным с Россией, единой и свободной"... (декабрь 1918 г.) и „Кубанский Край мыслит себя неразрывно спаянным с Единой, Великой и Свободной Россией" (ноябрь 1919) — для тех, кто был членом Рады или был на ее заседаниях, припоминать сейчас не нужно. Оба раза принималось это вынуждено и под прямой угрозой своих же..

Подтверждение этому можем найти и у тех, кто в то время на Раду давил. У ген. Деникина (Очерки Русской Смуты, т. IV, стр. 50) читаем:

... „ В самой Раде начались бурные прения, в особенности после горячей речи полк. Шкуро, который говорил „о недовольстве и брожении, глухо растущем среди строевого казачества и лиц высшего и низшего командования" и предостерегал: „знайте, если Добровольческая армия уйдет от нас, то мы погибнем" (заседание 16 ноября 1918 г.)...

... „Тревожные события... назревали не на шутку, В один из ближайших дней ген. Романовский доложил мне, что ген. Покровский и полковник Шкуро, введя в Екатеринодар свои конвойные сотни, решили произвести переворот, предполагая расправиться с черноморскими лидерами и понудить атамана, полковника Филимонова, принять на себя всю полноту власти"...

„Кубанские правители считали... несомненным участие в предполагавшемся перевороте и Добровольческих частей"...

„Командование (Добрармии. Ред.) приняло также участие в атаманских выборах... оказав моральное содействие полк. Филимонову"... (стр. 53).

— В такой обстановке Рада, не располагавшая своей армией, угрожаемая сторонниками Деникина — разными Шкурами, — принимала заявления о „неразрывной связанности", как вынужденный компромисс.

Обстановку ноябрьских дней 1919 года казаки знают лучше. После повешения Кулабухова, у Рады вынудили ее „признание" „неразрывной спаянности" Кубани с Россией, буквально надев петли еще одиннадцати человекам. Вместе с ген. Врангелем и Покровским веревочки от тех петель держал и ген. Науменко.

Итак, кубанцы имеют Конституцию и „дополнение" к ней. По Конституции — Кубань — самостоятельное государство, по „дополнению" — „неразрывно связана".

Ген. Науменко самой Конституции никогда не признавал и с нее боролся. Он признавал и признает только „дополнение". Доказательство? — Вот оно: согласно статьи 8 К. Конституции „Кубанский Край имеет свою Армию". Будучи военным министром, ген. Науменко все сделал для того, чтобы Кубанский Край сво-

ей армии не имел. И делал он это для того, чтобы обеспечить торжество „дополнению".

А участие в разгроме Рады и перевороте в ноябре 1919 года на стороне Деникина-Врангеля-Покровского!

Сейчас, будучи В. Атаманом, он точно также не исполняет Конституции, „переформировавши" все свое управление — по форме и по существу — на манер „Наказного Атамана".

Выступая ныне с призывами к казакам — об'единиться около В. Атаманов и Конституций — он, судя по тому, как он относится к России и к национальному освободительному вольно-казачьему движению, признает и зовет казаков к исполнению не Кубанской Конституции, а всего-на-всего к навязанному в свое время силой и уже давно отброшенному самой жестокой жизнью „дополнению".

Мы глубоко уверены, что казаки пойдут по пути Конституции и не пойдут по пути „дополнений".

Справка.

Из отчета о выступлении ген. Науменко в Белграде 24 апреля (см. „К. К." за май с. г.) лишний раз убеждаемся в том, что для него „дело восстановления России" стоит перед делом восстановления „наших родный войск"; „тяжкого греха" он боится прежде всего „перед Россией", а потом уже „перед Казачеством".

Интересное явление: „Русские казаки" все время призывают казаков помнить в первую очередь о России. Мы неоднократно указывали уже, как сами русские понимают казачью роль в русском деле. Это — роль орудия, роль пушечного мяса, роль средства для достижения своих целей той или иной русской партии или какого нибудь претендента. Еще более интересно то, что в то время, как „русские казаки" подчеркивают свою „русскость", сами русские не всегда считают их „своими".

Приведем ниже любопытный факт. Попробовали один раз „русские казаки" залезть на русский „правящий верх", даже не в России, а всего только в русском „белом деле", служить которому они принуждали и все Казачество. Что же получилось? Как встретили их на этом посту русские?

— В 1920 году ген. Деникин образовал так наз. „Южно-русское правительство" во главе с Н. М. Мельниковым, нынешним председателем Донского правительства. В это правительство, наряду с русскими, вошли и казаки: ген. Баратов (терец), Ф. С. Сушков (куб.) и Агеев (донец). На 12 министров все — или русские люди, или „русские казаки". Правительство это было создано не только для борьбы с большевиками, но и для борьбы с самостийниками — кубанскими и донскими — в первую очередь.

Как же отнеслись тогда к нему русские люди, особенно — к участию в нем казаков по происхождению, русских по убеждению? — Русских людей оно совершенно не удовлетворяло именно потому, что в его составе были — хотя бы и верные, но все же казаки.

Генерал Лукомский предупреждал Деникина (т. V, стр. 324): ... „Настроение среди офицеров от младших до старших все более и более ухудшается. Нелепые слухи о полном соглашении с требованиями самостийных казачьих кругов возбуждают офицеров..." А бывший Московский городской голова, один из лидеров кадетской партии г. Астров писал тому же Деникину: ...„Но казачье засилье не может не смущать... Смущает и то, что с коренным изменением самой природы отношений конституционного правителя к управлению весь аппарат власти уходит в чужие и чуждые руки..." (там же).

Итак, для русских людей: Мельников, Баратов и Сушков рядом с Бернацким, Зеелером и Чайковским — „казачье засилье", „чуждые и чужие руки"...!

Так смотрят и так относятся русские даже к „русским казакам". Читайте, казаки, и понимайте!

Думы и мысли.

Яицкому Атаману.

Дорогой наш вождь-герой! Гордость нашего Войска!

Ужели ты оставишь родные ряды казаков твоих? Ужели продашь честь свою и Войска твоего московским генералам, которые защищают не интересы твоей родины, а свои личные?

Атаман! Наш любимый Атаман! не иди стопами Богаевского, Науменко и других, им подобных, — иди с нами, иди в рядах сынов Яика.

Вспомни прошлую кровавую борьбу с московскими полчищами. Ты бил их и ты не был побежден. Тебя и Войско твое и суровая природа не могла победить, когда вы проходили голодные безводные степи плоскогорья Уст Урта. А вспомни, наш Вождь, своего Начальника Штаба Моторного... да он и сейчас у врага служит, его не изрубили на куски русские красные братья его (сабака собаку не жрет), как изрубили лучших сынов твоего родного Войска — твоих офицеров — когда отправляли их из Гурьева в Уральск. Я — живой свидетель тому, только по счастливой случайности избежавший той же участи.

Умоляю тебя, наш избранник, не оставляй нас, твоих казаков, будь всегда впереди тех, кто избрал тебя, кто борется за освобождение и восстановление Вольного Казачества, — ведь в жилах твоих течет чистая казачья кровь, не смешанная с русской.

Не забудь, наш Атаман, что Яик-Горыныч стонет под игом не только серого московского лаптя, но и под красным сапогом российской интеллигенции.

Четыре года, страшных 4 года судьба заставила жить меня среди разрушенных, голодных станиц; смотреть, как народ казачий бесправным, обезличенным рабом влачит жалкое существование под властью обнаглевшей руси — интеллигентной и сермяжной. Неужели и ты, наш Яицкий Атаман, так же, как Богаевский и другие, назовешь поработителей твоего народа — родными?

Атаман! утерпело бы твое сердце, если бы ты был там? Остался бы ты с теми взглядами на русский народ, какие нам навязали воспитатели в средних школах, где мы учились, и русская военная среда, в соку которой мы теряли свой казачий национальный облик? Я уверен, что нет!

Я знаю тебя, наш Атаман, наш дорогой Владимир Сергеевич, знаю простую чистую казачью душу твою, знаю твою геройскую натуру казака еще с 1915 года: ты был первый герой нашего 5 Уральского полка, не только полка, но и всей Уральской дивизии. Вспомни своих сослуживцев, вспомни Пинские болота... Темная осенняя дождливая ночь. Ты, как помню сейчас, взял винтовку, позвал пишущего эти строки; вдвоем во тьме векового леса по топям болот обходили мы посты твоего полка, рискуя своей жизнью. Зачем же ты оставляешь нас теперь? — или силы оставили тебя и не стало железной воли, чтобы и сейчас, взяв винтовку, обойти посты родных Горынычей, — поднять их дух, вселить веру в страждущие души их и не разбить последнюю надежду их!..

Атаман, поверь — казаки там ненавидят „братский русский народ" Богаевского и Науменки больше чем я, ибо я в 1926 году убежал от этой... а они и по сию минуту в его „братских" об'ятиях... Еще тогда, при мне, ловили русачков одиночек в лесу — коротка с

ними расправа была — знакомый, не знакомый — не спрашивали — дубовый кол в рот да в Яик... Не мало их и сию минуту попускивают втихомолку вниз по батюшке Яику. Если не веришь ты сему, то Бог с тобой, Он тебе судья, — если ты на муки детища своего не найдешь смелости старого Тараса крикнуть средь вражеской толпы „Слышу, сынку"!

Ты мог бы это крикнуть, я знаю и надеюсь, что — крикнешь! И пойдут за тобой полки родного Казачества, а родная История увековечит твое имя.

С вольно-казачьим приветом, казак Яицкого Войска, Илекской станицы,

Михаил Игнатьевич Портнов.

Скоплье. Югославия.

Крест.

Еще малышем приходилось мне ездить с дедушкой в станицу Барсуковскую. Помню, как сегодня, что в степи, за нашей станицей, стоял большой деревянный крест. Я однажды спросил своего деда, что это за крест. Дед охотно рассказал мне историю креста.

Этот крест есть могила наших станичников, начал дед. Дело это было давно. Вот видишь, какая большая наша станица, а раньше в ней было всего несколько десятков хат. Посредине станицы стояла небольшая деревянная церковь, с каменной оградой; в ограде — дыры для ружей. Это на тот случай, что когда „горцы-черкесы" нападали на станицу, то жители, старые и малые, прятались в церкви, а казаки и подростки в эти дыры стреляли из ружей, отбивая атаку врага, пока не прибывала помощь из других станиц. Станица была окопана большим рвом и огорожена валом. Было четверо ворот, где день и ночь находились караульные казаки. По трубе (т. е. сигналу) наши станичники выезжали в степь и одни там работали, а другие с ружьями их охраняли, потому что каждую минуту могли напасть из лесу или камыша черкесы и забрать в плен, а там — рабство на целую жизнь. Отпускали только за выкуп, а случалось, что кто-нибудь и сам убегал из неволи.

Теперь я еще вспоминаю слова отца, когда он рассказывал, как однажды вместе с матерью, т. е. моей бабушкой, они прятались в церкви во время нападения на нашу станицу черкес.

Так вот, однажды „горцы-черкесы", около 1000 всадников, под прикрытием большого тумана переправились вброд Кубань между станицами Невиномысской и Барсуковской и всей ордой напали на станицу Темнолесскую. Разгромив станицу и забрав в плен много женщин и детей, они с казачьим добром возвращались к себе домой за Кубань в свои аулы. Тревогу первыми услышали наши Невиномысцы. Урядник Х. с 16-ю казаками и одним подростком ринулся на выручку. Невиномысцы не знали численности противника, а те тоже не знали сил казаков.

Отряд казаков в 16 сабель вступил в неравный бой и, в конечном итоге, все 17 человек геройски погибли на поле брани. Но они сделали свое дело. Черкесы струсили и бросились сами спасаться, оставив на правом берегу Кубани всех пленных Темнолесцев, а также и весь казачий скарб, точно также, как и несколько человек убитых своих всадников, что считается у них большим позором.

Тревогу услышала и линия и стали прибывать отряды казаков с ближних станиц, но было поздно. Невинцы геройски погибли. Вот наших станичников и похоронили в братской могиле, а вот это и крест на их могиле.

Прошло много лет. Наша станица разрослась. Деду моему давно царство небесное. Мой отец после смерти деда охотником отправился в Манчжурию, строил там железную дорогу. В 1890 году приехал на Кубань и купил план около этого креста, саженях в 300-х, но на месте креста красовался уже каменный памятник с черною доскою, где были написаны имена и фамилии павших героев. Я, уже взрослым, часто ходил к памятнику, перечитывал надписи и вспоминал своего деда. Помню, что старики в 1913 г. хотели поставить на этом месте церковь, но их мечта не сбылась. Наступил 1914 год и все заглохло, ибо началась Великая война.

Мне с 1914 г. по 1917 г. приходилось бывать дома (г. е. в станице) очень редко. Дальше наступила „гражданская" неразбериха. Наша станица Невиномысская была базой большевиков, да к тому нужно сказать, что добрая половина в станице пришлого элемента, которые первыми стали большевиками.

И вот, в последних месяцах 1918 г., я попадаю в свою родную Невинку. Я сам прошел 1-й Кубанский (Ледяной) поход; многое видел, что творили товарищи у нас на Кубани, а также и на Дону. Не буду говорить, что сделали товарищи с казачьим добром, которое создавалось годами, а нашей станице товарищи залили за шкуру сала вполне достаточно, ибо она переходила из рук в руки 9 раз. Но, — что делать — на то и война. Но когда я посмотрел на памятник, то и говорить страшно. Все надписи исписаны пагубною руганью. Вот тут то я и вспомнил рассказ своего деда. Мне стало жаль героев до глубины души. Так, дорогие станичники, современники воздают Вам почесть за то, что Вы отдали самое дорогое — жизнь — за други своя. Глубоко запало в мою душу чувство мести — пока жив, буду мстить этим извергам в образе человека. Но судьба нам изменила и мы очутились далеко в чужих краях и теперь только приходится с болью на сердце вспоминать, какою ценою досталась нашим прадедам и дедам наша Кубань.

Читая различную литературу всякого направления и разбираясь в прошедших годах „гражданской" бойни, невольно наталкиваешься на мысль: кто же наш заклятый враг? — А враг этот есть русский Ванька, который жил в наших краях и за наше хлебосольство он же и выгнал нас из наших родных краев. Но пусть и это так — это сделано необузданным и не образованным „народом". Но есть примеры еще ярче — История Ваньки-Покровского с его гоп-компанией в сердце Кубани в гор. Екатеринодаре, и „деятельность" их как аресты наших водителей, смерть А. И. Кулабухова, убийство Н. С. Рябовола в Ростове н/Д. и пр. и пр. Этого ли не достаточно для нас, казаков?

Теперь, когда назревают мировые события, нам, казакам, говорят: молчать и слушать. А молчание это — „знак согласия". Нет, довольно.

Мы — вольные казаки, „казачков" больше нет.

Мы можем обойтись без нянек и командовать нами не надо. Пасынками России казаки не должны быть, п р о ш л о м у с т а в и м к р е с т.

Мы открыто заявляем всем тем, кто каким угодно способом посягает на наши вольности, хотя бы это были и из среды наших казаков, — руки прочь! не мешайте нам.

Прошу вас, братья казаки всех Войск, идти под стяг В. К., ибо это есть истинный и правдивый путь Казачества, он только и может соединить нас, никому не нужных, разбросанных по всему земному шару казаков во едино-целое и мы тогда сможем сказать свое слово — быть казачеству или не быть. Вспомни каждый казак, что там далеко в наших краях, нашим братьям казакам живется не сладко. Подумай каждый казак и скажи свое мудрое слово. Наше молчаливое сидение ни к чему не приведет. Нужно самим начать работать на спасение наших замученных родных Краев. Довольно мы уже испили из горькой чаши...

Кубанец **С. Ткаченков.**

Франция.

• КАЖДЫЙ ВОЛЬНЫЙ КАЗАК ДОЛЖЕН ПОДПИСАТЬСЯ НА СВОЙ ЖУРНАЛ! •

Еще о комбатантских карточках.

Некоторые казаки, проживающие во Франции, спрашивают: можно-ли, помимо ген. Богаевского, вступить в французский Национальный Союз Комбатантов и получить соответствующую карточку?

— Да, можно. Раньше казаки вступали в Союз Комбатантов персонально и без всякой помощи со стороны ген. Богаевского. Теперь, таким же образом, вступают в Союз целые группы, как напр., группа из „Союза В. К. (Сепаратистов) в г. Лионе".

В этом отношении ген. Богаевский исключительной монополией не пользуется.

Обратитесь в местный отдел Национального Союза Комбатантов (они имеются везде), ознакомтесь с его уставом и подайте заявление о желании вступить в Союз действительным членом, приложив к этому заявлению какие либо документы, ясно указывающие, что в период Великой войны (1914 г. — по ноябрь 1918 г.) вы, хотя бы и короткий срок, служили в действующей армии. Документы могут носить самый разнообразный характер, лишь бы можно было установить ваше участие в войне, напр., свидетельство о ранении, предписание командира части и т. д., не говоря уже о послужных списках, приказах о производстве или награждении.

Война с большевиками в счет не идет. Подача же ложных сведений строго карается. Один из отделов на севере Франции, зачисливший в состав своих членов лиц, воевавших с большевиками, но не бывших на фронте в Великую войну, был закрыт, так что карточек лишились и действительные комбатанты-поручители. Ген. Богаевский, очевидно, этого не знает и потому так легко приглашает всех записываться у него: лишь бы заплатили франки.

У кого не окажется подходящих документов, тот может заменить таковые обыновенным удостоверением правления ближайшей к нему казачьей станицы или хутора.

Необходимые указания — как писать заявление и какие сведения должны заключаться в представляемом вами удостоверении — всегда можете получить от председателя местного отдела Национального Союза Комбатантов. Для этого существуют сцециальные анкетные листы.

Хорошо, если у кого есть знакомый француз-комбатант; через него всего скорее и легче оформить ваше вступление в Союз.

Вступать рекомендуется именно во Французский Национальный Союз Комбатантов, имеющий зеленую карточку с изображением шлема с лавровым венком, но никак не в русскую секцию или в создаваемую ныне секцию „русских казаков".

Русская секция (Рус. Обще-В. Союз) имеет белую карточку, рассеченную с угла на угол цветной, русской же национальной лентой. Многие набрали этих карточек, но они особого значения для французов не имеют.

Карточек секции „русских казаков" мы еще не видели, но, судя по газетному обращению ген. Богаевского, они также отличны, т. к. нуждались в одобрении и, по словам самого Богаевского, „будут иметь такое же значение, как и карточки воинских об'единений, признанных французскими властями", т. е., значит, как и карточки Рус. Обще-воин. Союза.

Да иначе и быть не может, потому что ген. Богаевский скорее согласится пожертвовать казачьим интересом, чем, хоть на один шаг отступится от ген. Миллера.

Французская комбатантская карточка меняется ежегодно и стоит ровно 10 франков, тогда как секция „русских" казаков требует 15 фр.

Мысль о введении казаков во Французский Национальный Союз Комбатантов обособленной группой принадлежит бывшему атаману Кубанской станицы в Париже. Два года тому назад это легко было сделать. Однако, тогда казаки отнеслись к этому без должного внимания и лишь в конце 1931 года, когда тем же лицом снова был поднят этот вопрос, общий сбор станицы поручил проведение его в жизнь особой делегации во главе с генер. И. Ф. Волковым. Почва была подготовлена. Ес. Ковалев ранее того заручился согласием на содействие в этом отношении некоторых влиятельных французов — возглавителей парижских отделов Национального Союза Комбатантов. Но вскоре произошли перевыборы станичного правления, дело затянулось, а возможно и умышленно передано в руки ген. Богаевского, который своими газетными об'явлениями поставил казаков перед свершившимся фактом, так сказать, проявил свою „инициативу", об'явив себя хозяином чужого дела; он одним выстрелом двух зайцев положил: с одной стороны казаки теперь должны будут убедиться, что о них начальство беспокоится, работает, не покладая рук, с другой же стороны и „секция" что нибудь да заработает. С носа по грошу не всегда, ведь, соберешь, а тут удобный случай: с казака получу 15 фр., а французам отдам 10. И волки будут сыты, и овцы — целы.

Сам ген. Богаевский за 7 или за 8 лет своего пребывания в Париже до этого, конечно, не додумался, чтобы, ввести казаков в Союз Комбатантов, а спохватился лишь тогда, когда дело было почти сделано самими казаками; оставалось только руку приложить, да „возглавить", что практикуется им уже не в первый раз.

В случае каких-либо затруднений при получении комбатантских карточек вольными казаками надлежит обращаться в свои организации или адресоваться непосредственно в редакцию „В. К."

Ко всем вольно-казачьим организациям.

У редакции „В. К." осталось весьма ограниченное количество полных комплектов нашего журнала за прошлые годы. Чем дальше, тем затруднительнее будет поэтому новым читателям ознакомиться с первыми номерами „В. К."

Настоящим предлагаем всем вольно-казачьим организациям иметь и хранить у себя в хорошем переплете по крайней мере один полный комплект „В. К." не только для пользования своих членов, но и сберечь его до возвращения домой, где такие комплекты будут цениться на вес золота.

Комплекты следует разыскать каждой организации у своих же членов, старых читателей журнала, т. к. мы в ближайшее время прекратим совершенно продажу полных комплектов, оставив в неприкосновенном запасе некоторое количество их для будущих государственных библиотек Казакии.

Рука провокатора поднялась на Президента Французской республики.

Склоняем свою голову перед горем французского народа.

Злодеяние, жертвой которого стал Президент Французской республики, вызывает у казачьей эмиграции чувства самого решительного протеста против тех „методов", которыми некоторая часть русской эмиграции борется за свое дело. Это злодеяние еще раз самым категорическим образом требует окончательного отмежевания от русской эмиграции и той части казаков, которая так или иначе еще с нею связана, отмежевание от ее целей и задач, отмежевание от ее „патриотических" мотивов и „способов борьбы с большевиками" через ... убийство Президента страны, давшей наиболее широкий приют самой же русской эмиграции.

Казачья эмиграция.

От казаков из Бухареста.

Мы, нижеподписавшиеся, вольные казаки разных Войск, составляющие одну неразрывную казачью семью, поздравляем с Светлым Праздником Святой Пасхи Христовой наш Вольно-казачий центр — вождя освободительного национального казачьего движения, все зарубежные вольно-казачьи станицы, хутора, курени и группы, всех вольных казаков и казачек тут, в чужих землях, и там — в родной Казакии под игом московских оккупантов.

Христос Воскрес!.. Мужайтесь, братья казаки! Час конца скитания тут и начало освобождения там близится.

Сергей Маргушин, А. Солдатов, Д. Гнездилов, М. Лукьянов, М. Рышкин, В. Шкаринов, Р. Руденков, В. Кабанов, (следует неразборчивая подпись), И. Липкус, Г. Сулин, И. Иванов, Д. Зенцов, Г. Чапцов, М. Попов, Е. Евсеев, М. Салатков, И. Плитнев, М. Артамонов, Е. Кабанов, М. Рышкина, М. Снопок, С. Дьяконов, Д. Еременков, Е. Зенцов, С. Наумов, А. Алферов, М. Емельянов, Д. Ефимов, С. Кузнецов, К. Нефедов, Г. Фролов, М. Курилин, П. Фролов, И. Москаленко, Н. Карташов, (следует неразборчивая подпись), Ем. Деркунов, А. Рыхлов, П. Валуйсков, П. Чернышев, С. Хопричков, В. Межов, Г. Чудный, Я. Думинов.

На В. К. с'езд.

Поступило: от Петра Крюкова (из Франции) 52 к. ч., через Д. Чеснокова (из Виши): от М. Салтавца 10 фр., С. Чепурного 5 фр., П. Кондратенко 5 фр. и Д. Чеснокова 5 фр. — всего 25 фр., а в коронах ч. — 32 к. ч. 50 г.; от Свинарева (Кастельно) 28 к. ч.; от Н. Серикова (Славков у Брна) 20 к. ч.; от ес. Н. Посохова (из Италии) 10 динар; от Я. Глазкова (из Югославии) 10 динар; от К. Полякова 10 к. ч.

Новый вольно-казачий хутор.

М. Г. г-н Редактор! Прошу не отказать в любезности поместить в журнале „В. К." прилагаемую при сем копию постановления собрания казаков разных казачьих Войск от 23 апреля с. г. в Клиши (предместье Парижа), на котором был организован хутор, принявший название: „Вольно-казачий". На собрании присутствовало 11 казаков под председательством полк. Захарова.

Название хутора говорит само за себя, какого направления казаки решили в нем придерживаться. Как атаман Донской Парижской станицы, считаю долгом приветствовать появление нового члена в семье вольных казаков, а решение хутора войти в нашу станицу дает нам уверенность, что казаки пробуждаются и что в борьбе за освобождение родины семья вольных казаков растет. От души желаю хутору энергичной, плодотворной работы по пути освобождения и возрождения своих родных земель под общеказачьим стягом — Казакии.

Атаман Парижской станицы **А. Трофимов.**

1932 года. 29 апреля, № 22.

Постановление

собрания казаков в Клиши (окрестность Парижа) от 23 апреля 1932 года.

Мы, нижеподписавшиеся, казаки разных Войск, обсудив на своем собрании под председательством полк. Захарова предложение инициативной группы об образовании хутора постановили:

Образовать хутор „Вольно-Казачий" в Клиши, с вхождением в Донскую Парижскую станицу.

Принять и утвердить устав хутора.

Атаманом хутора избирается Войсковой старш. Каменнов, писарем каз. Поленнов.

Копии настоящего постановления послать в правление Донской Парижской станицы и в редакцию журнала „В. К." для опубликования.

Председатель собрания В. Захаров.

Клиши. 23 апр. 1932 г.

Неудачное выступление Кубанского В. Атамана В. Г. Науменко.

По примеру Парижа, где для „ликвидации" национального движения выступил В. А. Харламов, в Белграде произошло выступление Куб. Атамана В. Г. Науменко, который тоже, видимо, решил выдвинуть свой авторитет для подавления все растущего и ростущего самостийного движения.

За неделю, приблизительно, до 24 апреля начали ходить в Белграде слухи о надвигающемся „событии" и кое-кто стал готовиться к „схватке". Говорят, что инициативу выступления В. Г. Науменко взял на себя П. И. Курганский, пригласивший Куб. Атамана на собрание Кубанской Сидора Билого станицы в Белграде. П. И. Курганский разослал оповещения и с приглашением пожаловать на собеседование, а также передавал отдельным казакам устно: „Приглашайте казаков, будет Атаман, будет говорить много интересного и выступать против ВК-ва".

Такие „извещения" заставили казаков встать всем на защиту своей идеи и в условленный день, за один час до начала собеседования, прийти в указанное в повестке место. Помещение русского Земгора быстро наполнилось казаками.

Мало того, что собрались казаки из Белграда, прибыли представители и из ВК станиц в провинции... Тратя свои последние деньги, ехали ночью националисты, спеша попасть к началу заседания и там во имя казачьего народа, во имя его независимого существования, сказать ген. Науменко горькую правду в глаза.

Еще до начала собрания уже чувствовалось приподнятое состояние аудитории. Видя себя в малом числе, противники ВК буквально метались из Кубанской канцелярии в залу, где должно было быть заседание, и обратно, ища „выхода" из создавшегося невыгодного для них положения. Пронеслась весть, что Атаман будет говорить только с кубанцами, но казаки других Войск категорически решили мест не покидать и требовать разрешения всем казакам принять участие в собеседовании.

После получасового ожидания, в сопровождении ген. Звягинцева и пол. Соламахина, вошел Кубанский Атаман и занял место за председательским столом.

Слово Кубанского Атамана:

Служба, которой я связан, не позволяла мне часто видеть вас и устраивать такие собеседования. В Белграде я бывал в последнее время редко и не мог поделиться с вами своими мыслями. Никакой программной речи я здесь говорить не собираюсь. Сейчас положение эмигрантов, как казаков, так и русских, тяжелое. Слухи о том, что в Югославии ожидаются большие работы, неверны, их нет и ожидать их нельзя. Среди кубанцев много безработных, в Кральево было свыше ста человек.

Очень трудное положение в Болгарии. Положение русского там тяжелое. Кризис охватывает не только Европу, но и Америку. Хор Соколова тоже попал в трудное положение и ему прийдется оттуда уехать. Что касается жизни казаков, то многие казаки, наверное, знают события в Шабце... Тут Атаман перешел на Шабацкий инцендент, известный нашим читателям. Затем он затронул события в Новом Саду и коснулся других мест. Было сказано несколько слов о Скоплье и т. д.

После информации о своих мерах и событиях в провинции, Атаман перешел на короткий разбор зарубежной жизни в течении 12 лет.

Указал на существование различных движений: „Союз возвращения", „Зарубежный С'езд" и т. д. и все они, даже надежды Краснова на Америку, не только потерпели неуспех, но много и вредили казакам. Так и ВК, вот уже четыре года существующее, ничего не сделало и обречено разделить такую же участь.

Указал далее на письмо „руководителя" Быкадорова и перешел на другую тему:

— Каждый казак волен исповедывать свои личные убеждения, но вступать станицами в то или иное политическое движение — нельзя. Я опираюсь на Кубанскую Конституцию, продолжал он, в ней говорится „впредь до" и, поэтому, идя обще-русским фронтом, я делаю то, что еще на Кубани решили казаки: не отделяться от России. Наше время прийдет во время войны СССР. Вы знаете, что такое война — она потрясает все и к ней надо быть готовыми. Мы хотим вернуться домой. Но наши попытки ни к чему не приводят, мы это сделать не в силах.

Что делается в мировой политике, я не знаю, но как простой обыватель, скажу, что одной из причин нашего возвращения будет война. И вот нам не надо расползаться и идти за разными вождями. О ВК „сам" Быкадоров сказал: толку из этого не выйдет! Можно обращаться к иностранцам, и ко мне обращались, но они требуют обязательств. Ни на какие обязательства я пойти не могу. А ВК, прикрываясь волей Казачества, делает не его волю. Все организации сейчас бессильны что либо сделать: ни Цари, ни русские полит. группировки, ни ВК, ни мы...

Заканчивая свое слово, прошу кубанцев остаться для собеседования о кубанских делах.

Донец Н. Ф. Букин: Разрешите сказать. Мы уйдем, но я хочу спросить вас. Ответьте мне на один только вопрос. Сердце мое казачье болит за тех, кто остался там. Вы сказали — идем в общерусском масштабе, а там казаки уничтожаются русским народом, казаков расселяют, а на их места приходят крестьяне из России и благоденствуют на наших казачьих землях. Там — страшная ненависть к пришельцам. Скажите, г. Атаман, удастся ли вам примирить тех казаков с русскими за перенесенные унижения и страдания. Я — самостийник и твердо верю, что Казачество с ними вы не в силах будете примирить. Ответьте, задумывались ли вы об этом?

Ген. Науменко: Хорошо, я вам отвечу: страдает весь русский народ, не только одни казаки.

П. С. Поляков: Я — атаман Студенческой станицы. Моя станица приняла ВК ориентацию — мы стали националистами. Вы здесь говорили о том, что ВК такая же группировка, притом вредная, как и „Союз возвращения на Родину", „Гнилорыбовщина", „Красновская акция" и т. д. И что с этим надо бороться, как с заблуждением. Мне, как атаману, со своей станицей следовательно надо признать тоже самое или бороться с вами. Моя станица решила уже этот вопрос и с пути не сойдет, — с казачьего пути. Попытки же опорочить ВК движение бесполезны. Что дала Россия казакам? Когда они были ей уже не нужны — она их переселяла, уничтожала, а стоило им отстаивать свои права — кроваво расправлялась. Ведь, если роль Казачества сыграна, как говорят многие русские, то Казачество будет уничтожено! Стоило России населить и укрепить земли за Доном, она стала уже поговаривать об уничтожении и Донского Войска, как проделала это с Сечью. Разве вы этого не знаете?...

Ген. Науменко: Все это я знаю!...

Крики: Правильно, верно — заглушили его голос...

П. И. Курганский: Порядок!! Собеседование, господа, кончено!

Голоса: Нет, не кончено, мы хотим говорить...

П. И. Курганский: Кончено!!

Голоса: Мы вас слушали, выслушайте-же и вы казаков...

Н. М. Дмитренко: Вы говорили, г. Атаман, не хотим отмежевываться! У вас есть законная Конституция. А не искаженная ли это Конституция в штабе Добрармии? Правилен ли этот ваш путеводный указатель?

П. И. Курганский: Господа, господа!! Я разговор о Конституции не допускаю... Разбирать Конституцию мы не будем... Мы не правомочны...

Крики: Дайте говорить... Хотим говорить... Просим, Дмитренко...

П. И. Курганский: Порядок! Что это — бунт?... Это неуважение к собранию.

Н. М. Дмитренко: Так вот, г. Атаман, опираясь на Конституцию, надо рассмотреть что она из себя сама представляет. Почему мы не можем о ней говорить? Воз наш и ныне там. Надо же найти какой нибудь выход... Вы знаете, что это за Конституция. Скажите тогда нам, казакам, — какой путь у Вас?... Как вы отзываетесь на мольбы из родных краев? Каким путем вы идете?...

Ген. Науменко: Мой путь — Конституция, полученная на Кубани.

Н. М. Дмитренко: И хотя-бы Казачество вымирало и выбивалось из сил, даже если бы обстановка диктовала это навязанное нам изменить, вы бы продолжали упорствовать?...

П. И. Курганский: Прошу кончить. Это подрыв авторитета Атамана.

Н. М. Дмитренко: Голос казачьего народа для вас голос вопиющего в пустыне!

П. И. Курганский: Я становлюсь на защиту Атамана.

Голоса: Молчать!... Молчать, Курганский!... Долой!... Не мешать казакам говорить. Дайте высказаться... Это насилие...

П. И. Курганский: Прошу вести себя прилично. Как вы смеете говорить — молчать. Потрудитесь не выходить из границ. Я все таки — председатель...

М. Пальцев (вахмистр, представитель Смедеревской станицы). Я слышу — здесь указывают на молодежь. Но я казак, старый вахмистр. И я говорю — правильно они говорят. В них бьется казачье сердце и мы верим Студенческой станице! Мы двенадцать лет сидим здесь, пора взяться за свой казачий ум, да выбираться на свою шлях-дороженьку.

П. М. Мерзликин: Вы говорили, что вольные казаки подрывают ваш Атаманский авторитет, а не подрывали ли его раньше все, кому было не лень?

Вспомните ваше распоряжение в дивизии об организации шоферских курсов: кто задержал и был против — Зборовский. А приказ об аресте членов Рады, с которым ваше имя связала история. Скажите, принимали ли вы в нем участие? А что болтает ген. Шкуро, вами же уполномоченный: „Я Кубанского Атамана повернул на 50%, а если не поверну дальше — то бунт ему". Этих людей вы уполномачивали, с такими людьми вы считались и считаетесь. Скажите, принимали ли вы участие в событиях на Кубани? Ответьте ?...

Ген. Науменко: В свое время я отвечу... Здесь не место!...

П. И. Курганский: Прошу вести прилично...

П. М. Мерзликин: Да молчите же вы...

П. И. Курганский: Прошу собрание...

Шум. Голоса председателя не слышно.

П. М. Мерзликин: Старуху мать моего друга сослали и она в колхозе кормит свиней, а в ее доме живет калужанин. „Русские свиньи заставили меня кормить русских свиней"...

Казаки: Довольно говорить о России! Поговорим о Казачестве!

Ген. Науменко: Почему вы так говорите?...

П. М. Мерзликин: Потому, что так пишут оттуда.

Иванов (иногородний; говорит, стоя за Атаманской спиной): Я увезу в провинцию тяжелое впечатление... Молодежь наша против нас, стариков, против Атамана, против России...

И. П. Подрезов: С этой Конституцией мы и на кладбище должны лечь. Я старый казак говорю: молодежь идет не против стариков, а становится на защиту прав казачьего народа. Довольно обманывать казачество русскими благодеяниями.

Сорокин (дед-казак): Г. Атаман. Я старый человек и слушаю молодежь и скажу: верно ведь, а?... Как вы помирите тех казаков в наших землях? Правы ли вы, идя вашим путем? Не прислушаться ли вам к Казачеству?... А на молодежь нельзя нападать. Она наша, казачья.

Дмитров: Разрешите сказать. Тут около меня слышался голос: это большевики, это по большевицки. Я — казак националист... Смеют ли так говорить?

П. С. Поляков. Кто сказал: „по большевицки"? Прошу повторить.

Мертвая тишина.

— Значит, у того нет гражданского мужества. Значит, никто не сказал.

Тишина.

Полк. Тихоцкий: Г. г. студенты. Учитесь вы быть хорошими знаменитыми профессорами, учеными. Создайте славу Казачеству на этом поле. Зачем вы мешаетесь не в свое дело. Я, как офицер, и наши нижние чины-казаки...

Н. Ф. Букин: Как это так? Разве интересы Казачества не должны нас волновать, а судьба закабаленных наших братьев не должна мучить наши сердца?... Казачество гибнет, а мы должны быть равнодушны?...

Шум: правильно... правильно, Букин!!.

В. Ст. Калягин: Да что там разговаривать. Я — кадровый офицер. Чего мы будем разбираться... Вот создастся Общий Казачий Союз нашими Атаманами... идем в него и все...

Б. А. Кундрюцков: Я — как представитель ВК, всем заявляю: мы не против Войсковых Атаманов. Но мы против плохих Атаманов. Мы не хотим быть свидетелями и участниками тех преступлений, которые совершены и совершаются над Казачеством. Мы хотим своей независимой Казакии. И сделаем ее во чтобы то не стало. Если даже нам пришлось бы погибнуть за это. Наш народ надо вырвать из неволи раз и навсегда. Вольное Казачество поставило себе эту цель и к ней стремится. Оно никого не вводит в заблуждение. Оно говорит будьте сознательными казаками, будьте национально-мыслящим элементом и вы отстоите свое место в семье народов и добьетесь свободы измученному Казачеству.

Странно смешивать национальное движение с авантюрами, которые вами тут перечислены. Мы ставим ставку на самих себя. Чего мы добьемся — то только наше и будет.

Крики: Правильно, верно!..

Идут на последнюю уловку.

П. И. Курганский: Сейчас полковник Соламахин прочитает о событиях на Дальнем Востоке.

Ген. Науменко: Прочитайте!

Соламахин: Господа, на Дальнем Востоке...

Шум, крики. Не надо — Дальний Восток, говорите о наших Краях. Не надо! Не надо! Знаем лучше вашего, из газет знаем.

Соламахин прячет в карман реферат.

Полк. Недбаевский (представитель Новосадской Станицы): Хочу сказать Вам, г. Атаман, и я...

Ген. Науменко: Я знаю, полковник, вы будете говорить о нестроениях в Новом Саду... Мне все это известно... Господа... Я не буду говорить сегодня с кубанцами. Я приеду через две недели... или три...

П. И. Курганский: Собрание закрыто.

Среди казаков ползет весть: идти в Студен. станичное правление. Идут туда. Зала пустеет. Во дворе стоит Терский Атаман, не вошедший на собрание. Председатель Терского правительства — отсутствовал. Зборовский и полк. Головко на собрание не пришли, несмотря на то, что их видели в Белграде.

Победа Вольного Казачества так очевидна, что завязывается спор в канцелярии: писать в „Кавказском Казаке" или не писать. Решают писать...

При самом скромном подсчете, казаков-националистов выступало 14 человек; противников выступало трое, два из них не казаки, один казак. Не считая председетеля, это и была вся защита Кубанского Войскового Атамана.

Следует еще добавить, что полк. Недбаевскому, Т. А. Столярову, Я. Нигрееву, Кошкодаеву, Г. С. Козлову, Д. М. Недожогину и др. высказаться не дали. Многие казаки пришли с записками, хотели спросить, побеседовать по казачьи, а их и слушать не хотели. Я сказал, а теперь уходите — вот как закончил Атаман и Председатель.

Одну из таких записочек хочется поместить, по просьбе писавшего. Писал Т. А. Столяров, помощник атамана Смедеревской станицы, уполномоченный из Смедерева от правления:

Вы, г. Атаман, есть исполнитель воли народной, воли того, кто вас избрал. Чего же хотят казаки? Я, как представитель Смедеревской станицы, хочу сказать чаяния этой группы:

Казаки хотят своей ни от кого независимой жизни. Казаки хотят восстановить те права, которые были отобраны у них Московским правительством; казаки хотят защищать только казачьи земли от насильников. В русскую жизнь мы вмешиваться не хотим, пусть они устраивают ее, как им нравится. Со своими соседями хотим жить в добрых отношениях. Если же кто посягнет на наши права, мы не пожалеем и жизнь свою отдать для блага Казачества. Судьба же Казачества, только в руках казаков.

Между прочим, хочу добавить случай в Смедерево. Один из русских сказал:

— Какое Казачество? Да его уже нет! А если еще и осталось семя его, то мы не допустим, чтобы оно возродилось. Казачество должно быть уничтожено.

Приведу второй случай. В первом случае сказал некто Соколов в Смедерево, во втором тоже русский, чиновник Иванов:

— С кем идти?.. С казаками? С нашими кровными врагами? Да их нужно было там еще всех перевешать...

Что же вы хотите, г. Атаман, и к чему вы нас ведете — к висилице, на которой висел А. И Кулабухов?.. Нет, нам 19 год не нужен. Свою честь отстоим сами.

Да здравствует Казачество...

Да здравствует свободная независимая Казакия...

(Соб. кор.)

Собрание ВК Югославии в пом. Студ. станичного правления.

После выступления Куб. Атамана, состоялась вторая встреча ВК в Югославии за общим столом.

П. С. Поляков. Приветствую вас от лица Студенческой станицы, братья казаки Смедеревской и Новосадской станиц. Дай Бог нам, казакам, так же дружно и смело сказать в лицо врагам Казачества то, что хочет наш казачий обездоленный и опозоренный народ. Приветствую вас, борцы за национальную казачью свободу, за Казачье Имя...

Все присутствующие поют гимны: Донской, Кубанский и Терский.

Т. А. Столяров: Гг. студенты, приветствую вас от лица Смедеревской станицы, дай Бог вам сил и здоровья послужить Казачеству и довести его до здоровой национальной жизни на своей родной, богатой и славной казачьей земле. Мы жертвуем все... Дадим и последнюю рубашку, последний грош на нашу казачью освободительную борьбу...

Г. Е. Голобородько: Разрешите мне приветствовать вас от Новосадских вольных казаков. Мы с вами. Вы на верном пути, а что на вас сыпятся удары — не обращайте внимания. Мы — ваши, вы — наши. Погибать, так за одно... за казачье...

И. П. Подрезов: Мы слышали, что Атаман говорил о Конституции. Решили они, просидев с ней 12 лет, сидеть еще столько же и умереть. Под лежачий камень и вода не течет.

М. Пальцев: Они говорят, что вы все молодые. Это и слава Богу, что есть молодые казаки и такие именно, как вы. Что их законы, с ними они едва на пароходы вместились, чтобы бежать. Закон есть один. Жизненный. Жизнь — борьба. И если мы бороться не будем за Казачество — погибнем, как черви...

И. Кошкодаев: Вольное Казачество сердце вырывает из груди каждого казака. И наши сердца — на алтарь Казакии... Нам надо достичь своего С'езда и достичь во что бы то ни стало.

Я. Нигреев: Все надо бросить на С'езд. Братья казаки, пора вставать нам, казакам... Пора настала новому казачьему восстанию... Мы освободимся, как освободились от большевиков уже один раз. Но теперь мы не будем дураками. Власть казачья не выпадет из наших рук.

П. Ф. Зрянин: Нам надо, как Лютер сделал, написать свои тезисы и представить или пригласить Атаманов разбить нас. Позвать их на наше собрание...

Крики: Не прийдут.

П. Ф. Зрянин: Не прийдут — значит они не с нами, казаками. Значит они русские атаманы, а не казачьи.

Д. М. Недожогин: Инж. Суслов задал уже однажды вопрос, ему ответили: „здесь не место об этом говорить"... Должно быть они и сами не знают, где для них место.

Дед Сорокин: Мы — запуганы... Мы — миролюбивы... Я за долгую свою жизнь скажу сейчас. Никому бы я не вручил свою душу, свою жизнь, но вам, молодежь-казаки, вручу ее... Вам вручаю ее... Потому, что верю в вашу стойкость, в вашу преданность народу казачьему. Верю, что в тяжелый час — вы не отречетесь от того, к чему нас зовете.

Б. А. Кундрюцков: Кровь загубленных казаков во все времена вопиет к нам. Сколько повешенных, перебитых, умученных... История Казачества залита кровью народной. Стыдно было бы нам забыть об этом... Спасибо тебе, отец, за твои слова. Мы стали от твоих слов и мудрей, и осторожней, и стойче...

Теперь я спрошу вас: что такое казачья старшина? Вы думаете, это те, кто забыл о Казачестве, или распинал Его или продал? Нет... Вот наша старшина. Наши — старые казаки. Их годы внушают к ним уважение, а не побрякушки и самонадеянность. Давайте скажем: Казачья Старшина тот, кто своей мудростью и верностью к казачьей свободе отмечен, кто убелен сединами. Кто говорил о разрыве между отцами и детьми? — Русский. Да, у них этот разрыв есть, у нас, ваших детей, его нет. И не будет. Мы все казаки! И знаем своих отцов. Отцов нам стыдиться нечего. А в семье не без урода. Есть плохие отцы, но и детки их далеко от них не ушли...

С. Кульдинов: Я, как калмык здесь присутствующий, скажу несколько слов вам, наши братья. Мы, как и вы, стремимся к своей национальной свободе. Мы тесно связаны с Казачеством. Будем же надеяться, что мы останемся верными союзниками и в будущем, и сможем отстоять свои права от всех посягательств.

Д. М. Недожогин: Моя больная мать послала меня на собрание. Иди, сынок, скажи там про нашу Казачью Правду... Я хочу плакать и поэтому говорить больше не могу...

И. М. Фастунов: Я задал Атаману вопрос: Вы иронизировали относительно рецептов спасения Казачества, скажите же ваш рецепт... Его не оказалось. За 12 лет казачий Атаман ничего для Казачества не сделал...

Г. С. Козлов: Что мы сегодня слышали — одно и то же. Ценим ли мы пролитую казачью кровь в борьбе за свой Родной Порог?.. Можем ли мы быть преступниками в отношении мертвых казаков?.. Завещали ли нам они идти на Москву?.. Зачем было созывать Круги и Рады, обосабливаться? — Стали бы прямо в Белое Войско и все... Путь ВК — есть казачий путь...

Речи чередовались без конца. Так много накопилось потенциальной энергии у казаков за эти 12 лет покорного молчания. Наконец П. С. Поляков закрыл список ораторов. После обсуждения дальнейших шагов, было произнесено несколько хвалебных речей в адрес И. А. Билого и Центра ВК в Праге. Затем атаман Студенческой станицы был облечен доверием со стороны смедеревцев и новосадцев на дальнейшую работу...

Поздно вечером все двинулись на станцию и каждый уходящий поезд, уносивший националистов в места своего жительства, провожался криками:

Ура, вольным, независимым!..

Ура националистам!..

(Соб кор.)

В Смедерево.

На станичный сход Смедеревской станицы 17-го апреля с. г. в гор. Смедерево прибыл приглашенный из Белграда представитель Студенческой станицы и представитель „В. К." в Белграде Б. А. Кундрюцков. Встреченный у автобуса правлением станицы и казаками, он познакомился с казаками, после чего все прошли на квартиру помощника атамана Т. А. Столярова, где произошел обмен мнений о положении дел в Белграде, в Новом Саду и в Смедерево. Смедеревские казаки, зная уловки врагов В. К., запаслись разрешением на собрание от местных властей и поэтому на этот раз собрание было обеспечено от срывов.

Поблагодарив г-цу Мару, приветливую хозяюшку, во главе со станичным атаманом Н. Л. Гнилозубом все прошли в рестор. „Коларац", куда давно уже начали стекаться казаки.

В 10 час. начался сход. Многочисленный, он удивлял своим единодушием и прошел в полном порядке и без всяких инцидентов. Станичники никого не забыли: были отчислены деньги и ген. Кокунько — хранителю Куб. Регалий, и писателю А. Пивню, и больному казаку Тищенко.

Сход открыл атаман приветственным словом к Югославянскому народу и, по решении станичных дел, приветствовал Белградскую Студеч. Общеказачью станицу от имени Смедеревской и передал слово Б. А. Кундрюцкову. Последний, со своей стороны, передал привет от казаков-студентов и добавил: К большому своему сожалению наш атаман, П. С. Поляков, не мог посетить Вас из-за болезни, но он просил меня сказать Вам, чтобы вы, дорогие станичники, верили своей молодежи, так как для нее интересы казачьего народа — есть ее собственные интересы, и она, как и вы, находясь в изгнании, не может больше терпеть муки, приносимые русскими большевиками, что она, как и вы, жаждет побеждать, а не принимать поражения.

После этого Б. А. Кундрюцков перешел к докладу. Он подробно осветил создавшуюся мировую обстанов-

Сидят слева направо: Предс. р. комис. И. Я. Истюфеев; представит. „В. К.“ в Белграде Б. А. Кундрюцков; голова Укр. Громады „Кобзарь“ Ф. Я. Черный; атаман Смедеревской станицы Н. Л. Гнилозуб; представитель „В. К.“ в Банате Г. В. Алферов; помощник атамана станицы Т. А. Столяров. Стоят справа налево: М. Л. Злобин; Д. А. Захаров — писарь Смедер. ст.; И. С. Кошкодаев; Я. М. Нигреев; В. Забывный — доверенный станицы; Д. Мотренко; А. М. Семенцов — доверенный станицы.

ку; осветил все группировки, по которым расеклась казачья эмиграция, и познакомил подробно присутствующих со всеказачьим народным движением В. К.

— Мы пришли сюда на разбитом казачьем корабле, закончил докладчик, — в трюмах его еще лежат об'едки тех сухарей, которыми питались казаки; там видны еще окровавленные бинты борцов с большевиками... Но, сев на мель, мы покинули наш державный корабль и разбрелись в разные стороны. Иные ушли за дальние горы; иные переплыли другие моря, перешли другие реки. И все мы занялися своими делами. Вопли с Родины нашей мы принимали в одно ухо, в другое выпускали... Но вот нашлись казаки, которые стали всматриваться в даль, откуда ми пришли. Точкой выделялся в дали заброшенный наш корабль, с порванными парусами, с поломанными реями. Они пошли к нему и увидели ржавый от времени и дождей колокол, сзывавший казаков в былое время на великие подвиги... Что такое ВК? Вольное Казачество — это набат с Казачьего Корабля. И вот, в разных концах, за горами, за морями, за реками, стали подымать головы свои казаки... Родным, полузабытым показался им этот звон... Вся жизнь Казачества стала воскресать перед глазами. Стали казаки бросать кирки, лопаты, университеты, выползать из шахт, из каменоломень и слушают... И слушают, повернувшись лицом в том направлении, откуда они пришли в чужую землю. Некоторые из них решительно пошли к нему, другие с недоверием, третьи следят с усмешкой. Но он зовет и зовет. Собирается Казачество под свой национальный стяг, забивает пробоины, чинит бабайки, зашивает паруса, смолит канаты, чистит засоренные орудия... Идут переговоры флажками с соседними судами, уже говорят, с кем и когда мы выйдем в открытое море... Но столкнуть наш корабль должно все Казачество, но вытащить засосанные тиной якоря — должно все Казачество, весь народ Казакии... Не вытащить нам наши войсковые якоря — оставим их здесь... Рубите канаты... Рубите железные цепи... Рубите!..

Долгие аплодисменты покрыли последние слова.

Н. Л. Гнилозуб передал слово Голове Укр. Громады „Кобзарь“ в г. Смедерово Ф. Я. Черному. Он приветствовал казаков от имени украинцев, отметив, что его бесконечно радует пробуждение национального сознания у казаков.

— Наличие Идеи делает из вас стойких борцов за свою Родину. Я расскажу вам о том незабываемом событии в жизни украинского народа, которое служит ярким показателем силы Идеи. Во имя ее люди шли и идут на все. Вы, наверно, слышали, что Украинский народ окончил войну с большевиками в 1921 году, когда последние остатки нашей армии были окружены у сел Базар и Миньки. Большевики предлагали украинцам сдаться, но украинец Щербак гордо ответил катам презрительным нет. Тогда перед вырытыми могилами, под наставленными пулеметами большевики в последний раз спросили украинцев, предлагая им места в красной армии и жизнь, но и тут борцы за счастье Украины отказались от этих „благ“. Затрещали пулеметы и все они были расстреляны. А их поступок создал тысячи последователей. Приветствую вас, родные казаки, приветствую, так как мы боремся за одно, и сердечно радуюсь, веря в успех вашего великого дела.

Г. В. Алферов: Вы слышали здесь о Казачьем Корабле. Станичники, пришла пора задуматься всем казакам, о том, как добраться нам к родным берегам, спасти наших закабаленных братьев, взывающих к нам. Если мы, казаки, им сами не поможем, никто им не поможет. Да здравствует независимое Казачество...

Напряжение аудитории вылилось в тех страстных и горячих речах, которые говорили Т. А. Столяров, Н. Л. Гнилозуб и другие.

Т. А. Столяров: Вчера произошел инциндент, всем нам известный. Один русский сказал казакам: Погибло Казачество, оно мертво! — Так нет же, казаки, покажем тем, кто хоронит нас, что живо Казачество, не умер бессмертный Казачий Дух.

Н. Л. Гнилозуб: Распылены мы уже 12 лет! Мы — голы, босы и обездолены! Единственное наше оружие — спайка! Что делается там, в наших Краях? — там расселяют, расстреливают, душат газами, растлевают казачью душу. А у нас здесь — тишина! Тишина на протяжении 12 лет! Всю тяжесть этой бездеятельности мы испытываем на собственной шкуре...

Я. М. Нигреев: Станичники... Какие-то мерзавцы, капитаны Покровские. врывались в нашу Раду, вешали наших избранников... вырывали из живой груди казачье сердце. Кто был А. И. Кулабухов? Он был лучший из нас, его послали казаки. Как они смели? По какому праву? Довольно слушать тех, кто льет в наши уши всякую болтовню. Путь наш один — ВК-чий путь. Им не удасться победить Казачество... Прошу вынести постановление...

Постановление вынесено единогласно. Противники — двое-трое — покинули собрание еще во время доклада...

Т. А. Столяров: Сколько мы даем на С'езд?

Голоса: Заложить фонд. Первый взнос — 300 динар и пустить подписные листы. Средства, из-за невозможности переслать в Прагу, хранить до посылки представителя!

Нельзя не отметить выступления таких казаков, как М. Л. Злобин — терец, И. Я. Истюфеев, Пальцев, Сыч, Кошкодаев и друг.

Интересная деталь тоже не может быть упущена. Хозяин ресторана „Коларац" г. Мика Радосавльевич долго жал руку докладчику и говорил:

„Вы говорили больше двух часов и как эти люди, которых я знаю и люблю, Вас слушали. Их под'ем произвел на меня неизгладимое впечатление. Да, я тоже верю, что казаки-патриоты спасут свои Казачьи Земли, как сделали это мы, сербы. Ваш казачий дух, ваш национализм победит большевиков и освободит ваших братьев."

Затем казак Я. М. Нигреев заявил, что за 12 лет пребывания зарубежом впервые он услышал казачье смелое слово.

— Честь и слава вам, сотрудникам и г. Редактору!

Начавшись в 10, Сход окончился в 2 часа. После этого мы были приглашены в ресторан на обед, после чего писарь, сняв копию с постановленя, передал ее Б. А. Кундрюцкову для напечатания.

(Соб. кор.)

В Белграде.

На сборе кубанской имени Сидора Белого станицы, состоявшемся 24 апреля с. г., разбирался и вопрос об организации кружков военного образования, согласно приказа Куб. В. Атамана.

Так как некоторые казаки высказались против, то атаман станицы предложил записаться в кружок желающим.

После длинной „агитационной" речи полк. Соламахина записалось в кружок всего два казака.

(Соб. кор.)

В Париже.

На докладе А. Н. Трофимова.

17 апреля с. г. в Париже Донская парижская станица устроила публичное собрание, на котором атаман станицы А. Н. Трофимов сделал доклад на тему: „Страна казаков. Географический и экономический обзор Казачьих Земель".

Председательствовал на собрании есаул М. М. Колесов.

Доклад Трофимова, продолжавшийся три часа, был выслушан с глубоким вниманием всей аудиторией и вызвал у казаков большой интерес. Обычно, всякий доклад на экономическую тему, по необходимости изобилующий всевозможными цифрами, бывает скучный для слушателей, но Трофимов сумел свою тему облечь в легкую, доступную пониманию любого казака, форму. Простым и понятным языком, с большим чувством нарисовав яркую картину казачьей жизни, докладчик на этом общем фоне отдельными мазками представил перед казачьим взором экономическую мощь Казачьих Земель. А описание картины прошлой казачьей жизни походило на... увлекательную поэзию.

Так как доклад этот, после зачтения его в городе Лионе 24 апреля, будет послан в редакцию „ВК" для напечатания, я не буду здесь излагать его содержание.

После доклада состоялся обмен мнениями. Все выступавшие, и свои и противники, выразили свое глубокое удовлетворение докладом, подчеркнули его об'ективность, разностороннюю полноту фактическими данными, выразили необходимость издания доклада отдельной брошюркой и широкого ее распространения среди казаков. Ибо такой доклад способен дать огромную пищу для пытливого казачьего ума.

Первым говорил полк. Ильин, который начал с заявления, что он к В. К. относится очень симпатично, хоть в его состав не входит, как „не имеет ничего общего ни с „Казачьим Клубом", ни с „Лигой". Он к В. К. относится симпатично по его словам, потому, что сейчас на все давит интернационал, а вольными казаками руководит чувство национальное, так сказать, они нас возводят на высший ранг — из сословия превращаемся в народ. Оратор знал и раньше, что казачьи Края в своих недрах хранят неисчерпаемые экономические богатства, а сегодняшний обстоятельный доклад лишний раз подтвердил, что мы имеем все экономические возможности для самостоятельной государственной жизни. Оратор лишь сомневается — с м о ж е м л и м ы о с у щ е с т в и т ь с в о ю ц е л ь, т. е. хватит ли у нас силы на борьбу с большевиками и на освобождение от их власти? Такое его сомнение основывается на невыгодном для нас, казаков, соотношении военной силы. Потом — будет ли у нас, казаков, реальная возможность для отражения н е и з б е ж н о г о н а т и с к а со стороны Великороссии? Дальше он подробно разбирает военные силы „красных" и „белых" фронтов эпохи борьбы с большевиками. И этот разбор приводит его снова к сомнению — сумеем ли мы успешно бороться и освободиться от большевиков...

Выступавший затем Ш. Н. Балинов, отметив прекрасные достоинства доклада, дополнив его кое какими данными, подробно отвечает полковнику Ильину на его вопрос — сумеем ли мы осуществить свою цель и разбирает внутреннее положение СССР, международное его положение и т. д. Его слово свелось к утверждению, что гарантировать положительный ответ на вопрос: сумеем ли мы осуществить свою цель — на все сто процентов никто не может, но мы, учитывая свое внутреннее и внешнее положение, состояние и стремление казаков „там" и соседних с нами народов, верим, что нам удастся осуществить свою цель. Конечно, дело наше трудное и требует огромного напряжения всех наших сил. Мы не закрываем свои глаза, эти трудности видим и об них всегда говорим...

— А. Л. Лысенков выражает сожаление по поводу пессимизма полк. Ильина, в силу коего мы как будто должны смиренно сложить лапки и ждать у моря погоды, потому-де мы вместе с Добрармией не сумели победить большевиков. Именно она то и есть то зло, которое принесло нам столько несчастья. В момент занятия Добрармией Мечетинской станицы меня с отрядом послали туда. Приехал я туда в эту самую Добрармию и что же? — всюду казаки. Спрашиваю — где же Добрармия, где же русские люди? Мне отвечают: они при штабах. А вы? — Мы, казаки, на позиции. Вот какова была Добрармия, составлявшаяся из обманутых наших братьев, навязавшая нам вредную для судьбы Казачества идею и, в конце-концов, погубившая наше народное движение.

Другая причина нашего поражения это то, что наши тогдашние вожди не сумели для нас, казаков, найти и четко поставить перед нами ясную и определенную идею, следовательно, мы не могли противопоставить ясной большевицкой идее свою столь же ясную и популярную идею. Первоначальная наша идея, вызвавшая казаков на смертный бой с пришлыми нашими врагами, русскими большевиками, „за свой порог и угол", при нерешительности наших казачьих вождей, безграничным напором „вождей" Добрармии была извращена и мы очутились, против своей воли, под знаменем „единой, неделимой", тем самым сделались защитниками реакции, богатого класса русского народа. Эту же роль теперь снова хотят нам навязать...

Из жизни в Крыму. Там хотел собраться наш Круг для решения наших казачьих вопросов. Врангель на это ответил — зачем это собрание болтунов, эта говорильня? Дальше: Врангель арестовал, а затем отдал под суд командующего Донской Армией. Имел ли он право это делать? Конечно, нет! Случилось это позорное дело лишь потому, что наш Атаман добровольно сделался для Врангеля „ручным человеком"...

Теперь Богаевский нас, самостийников, называет кучкой преступников, говорит, что дело вольных казаков интересно иностранцам, но вредно для России. А я спрашиваю: интересно ли это дело для нас, казаков? Нет никакого сомнения, что оно в вышей степени интересно для Казачества. Так какое нам дело до того — интересно или нет это дело для России? Мы хотим физически сохраниться, мы хотим экономически обогатиться, мы хотим культурно развиться, мы хотим политически закалиться, мы хотим гасударственно укрепиться. Только об этом говорит В. К. И все это нам нужно, как воздух, как вода. За такую возможность, если к этому имеются хотя 5 шансов, стоит жить, бороться, а если нужно, то и умереть... Мы и идем по этому пути...

— И. В. Кикте в выражает свое глубокое удовлетворение по поводу заслушанного доклада, а затем

кратко отвечает тем, кто нам симпатизирует, но стоит в стороне, и единонеделимцам. Между прочим он говорит, что недавно г. Харламов на своем докладе назвал власть советов узурпаторской. А мы знаем, что эту власть активно поддержали в свое время русская армия, русский флот, одним словом весь русский народ. Значит, весь русский народ есть узурпаторский? Русский народ долго добивался земли, свободы и, наконец, он достиг своей цели: он теперь получает гораздо больше от большевиков, чем в свое время имел от царского правительства. И этот народ стоит за советскую власть. От кого хотят освободить русский народ русские эмигрантские патриоты? Во имя чего призывают нас наши казачьи вожди подчиниться „белым" вождям? — Во имя борьбы против русского народа за старую власть, за старые порядки.

Тот же Харламов говорил, что власть большевиков, это — власть бандитов. А так как русский народ эту власть поддерживает, то выходит, что и сам русский народ есть бандиты? А я — казак и не хочу иметь ничего общего с бандитами...

— Еронин говорит, что доклад дал очень ценные данные для нас, раскрыв перед нами все неисчерпаемое богатство наших Краев. Оратор именно в этом находит разгадку — почему неосуществима цель В. К. Раз территория казачьих Краев так богата, то, конечно, от нее Россия никогда не откажется и за эти наши богатства всегда будет она наседать на нас. Следовательно, неизбежна война с Россией, а бороться с нею нам не под силу. В этой борьбе ставка на иностранцев — миф, ибо никто нам не поможет.

По мнению оратора, казакам, прежде чем ставить себе политически-государственные цели, необходимо поставить и осуществить цель создания единства зарубежного Казачества... А во имя какой цели нужно такое единство, на какой политической платформе возможно осуществить такое единство — оратор не знает...

Ему отвечает Ш. Н. Балинов.

Затем краткое заключительное слово произносит докладчик А. Н. Трофимов.

— Идею В. К. приемлют все. С тем, что мы имеем все экономические возможности для самостоятельного существования также согласны все. А это — самое главное. Значит, в самом главном мы сходимся, единодушны. Это хорошо, а все остальное приложится, второстепенные разногласия исчезнут.

Теперь на счет того, какие у нас возможности для осуществления нашей цели, сумеем ли мы ее осуществить. На этот вопрос уже ответил за меня выступавший здесь Балинов. И он совершенно прав, когда говорит, что со 100%-й уверенностью ответить на такой вопрос невозможно. Мы можем только сказать, что В. К. шансов на успех имеет на много процентов, а те, которые тянут казаков к разным Миллерам, не имеют совсем шансов. Этого для нас совершенно достаточно, чтобы стать под вольно-казачьим знаменем и посильно служить делу осуществления заветной казачьей цели.

В прошлом, в борьбе с большевизмом, мы потерпели поражение по двум причинам. Это — Добрармия и иногородние. Эти последние стали тогда против нас может быть по нашей же вине, потому что мы приютили у себя, а потом на шею себе посадили добровольцев. Могли ли иногородние, знавшие добровольцев как бояр, как своих исконных врагов, которые вчера еще там, в матушке России, ездили на их братьях, может быть, на членах семьи быть с ними и нами? Это свое недоверие, эту свою вражду к „барам" иногородние перенесли на нас, казаков, потому что мы заключили брак с добровольцами. Это — первопричина нашего поражения. Теперь эта причина ходом исторических событий устранена и, думается, окончательно и при том не поздно. Иногородние „там" уже осознали свою ошибку, а казаки пришли к сознанию, что иногородние — это наши же люди, наши братья. И те и другие теперь об'единяются на одной основной платформе: равное право и равные обязанности для всех в казачьем государстве.

Ильин здесь говорил, что вольно-казачье движение это — вызов России на борьбу, что она, Россия, не потерпит никакой казачьей самостийности и пойдет на нас войной. Я не хочу возражать ему по этому вопросу. Конечно, для России Казачьи Края — лакомый кусок. Но я хочу поставить вопрос наоборот: ну, а что же, если мы безоговорочно подчинимся России, борьбы не будет? Конечно, будет, и будет война именно жестокая для нас, казаков. Представьте себе положение: мы присоединились к России, а Украина, Кавказ, Туркестан не присоединятся. Что получится? Вспыхнет неизбежная борьба между этими народами, с одной стороны, и Россией — с другой. И конечно, Россия в первую голову на войну с этими народами пошлет вас, милые мои станичники! Следовательно так или иначе, но кровь прольется, этого нам не избежать. Так за что же лучше ее проливать — за себя ли, за свое родное или за Россию?

Здесь говорили о создании казачьего единства в зарубежьи. Так вот мы, вольные казаки, как раз ставим себе эту задачу — об'единение казаков в эмиграции на ясной казачьей политической позиции, ибо никакого об'единения на политическом тумане создать нельзя. Это будет об'единение на недоразумении, которое рано или поздно должно разрушиться, как только выяснится политическое недоразумение. Для создания подлинного единства зарубежного казачества необходима точно определенная политическая цель, ясная, всем понятная политическая казачья программа, что пока что имеет только одно течение — В. К.

На этом собрание заканчивается и аудитория награждает докладчика долго несмолкаемыми аплодисментами. (Соб. кор.)

Розговенье в Братиславе.

1 мая с. г., в день Св. Пасхи, братиславская казачья колония собралась для розговенья в 5. ч. вечера в ресторане „Beseda"... После приветственного слова атамана Общеказачьей станицы на Словакии Ив. Ст. Бойко, были пропеты казачьи гимны и присутствующим была предложена пасхальная хлеб-соль...

Из выступавших потом ораторов особенно горячее слово сказал М. В. Минаев, закончив его словами: „Воскреснет Казачество и расточатся враги его"...*) Не менее прочувственное слово произнесли: атаман ВК хутора в Братиславе И. И. Безуглов и С. И. Куркин. Художественно декорированный зал флагами всех казачьих Войск, гербами и зеленью, песни и горячие речи казачьих патриотов создали воистину праздничную обстановку и хорошее настроение...

Не обошлось и без политических бурных диспутов и небольших „столкновений" противников, но, слава Богу, в меру...

Поздней ночью разошлись по домам, унося с собой чувство удовлетворения и сознания в необходимости казачьей спайки и единения, чтобы помочь воскреснуть распятому Казачеству...

Ив. Б-о.

Из жизни Пугачовской вольно-казачьей станицы.

Событием дня, взбудоражившим монотонное течение жизни Южинской колонии казаков, послужил приезд из Лиона представителя „ВК" А. К. Ленивова и прочитанный им доклад на тему: „На путях к казачьему государству — Казакии", организованный правлением Пугачовской вольно-казачьей станицы.

Уже за день-два до приезда Ленивова, „русские казаки" начали проявлять „активность", срывая расклеенные нами об'явления о докладе, и распуская всяческие слухи — будто бы на докладе произойдет побоище, скандал и что больше всего достанется самому докладчику и, наконец, что доклад устраивается исключительно для пополнения вольно-каз. станичной кассы, так как будет взиматься от пришедших по два франка.

Сорванные об'явления правлению станицы удалось заменить об'явлениями на французском языке и вывесить даже в здании местной мерии, с любезного раз-

*) От ред. Речь инж. Минаева будет помещена в следующем номере.

решения мера города, а также напечатать во французской газете „Le petit Dauphinois". Что всего „пикантнее", так это то, что русские, на предложение „русских казаков" устроить абструкцию и сорвать доклад, ответили отказом от некультурного способа политической борьбы.

10 апреля, наконец, приехал докладчик и в 2 с половиной часа, при многолюдном собрании не только казачьей колонии, но и многих русских и представителя французской прессы, начал доклад. Складно написанный, тщательно составленный доклад, как по литературной форме, так и убедительности, усиленной неподдельным пафосом самого докладчика, захватил внимание слушателей и весь доклад прошел при напряженном внимании публики. Конец доклада был покрыт дружными аплодисментами.

После 7-минутного перерыва, атаман Пугачовской вольно-казачьей станицы открыл запись желающих высказаться по докладу.

Записались: атаман Общеказачьей станицы (организация „русских казаков") Ульянов, г-н Ситников, Януш и еще три казака. С особенным интересом ждали выступления станичника Ульянова. Но, к сожалению, ожиданий публики он не оправдал. Встав, в нескольких словах он заявил, что доклада не понял. За ним поднялся г-н Ситников, член ульяновской станицы, и своим заявлением, что он „хорошо понял доклад", без слов дал понять своему атаману, что трезвому человеку содержание доклада вполне доступно. Между прочим, Ситников задал докладчику вопрос: „На основании чего самостийники утверждают, что Дон в атаманство ген. Краснова был самостоятельным государством?"

А. К. Ленивов толково ему ответил, прочитав предписание Атамана Краснова ген. Черячукину от 6-VI-1918 года, ноту Предс. Совета Управл. Отделами А. П. Богаевского Гетману Украины от 20-VI-1918 г. и Основные Законы ВВД.

Дав такой ответ, докладчик задал Ситникову вопрос: „Теперь вы согласны, что самостийники правы в своем утверждении"? „Да, я теперь вполне согласен", ответил Ситников.

Выступивший за ним представитель местной русской колонии Януш задавал докладчику вопросы о будущих взаимоотношениях Казакии и России и о возможных границах. Докладчик дал ему исчерпывающие ответы. На этом прения по докладу были закончены.

Пугачевец.

Письмо в редакцию.

М. Г. г-н Редактор!

Не откажите в любезности поместить в очередном номере „В. К." прилагаемое при сем открытое письмо, имеющее значение не только лично для меня, но и для других казаков, могущих оказаться в одинаковом со мной положении.

Примите уверение в совершенном к Вам почтении и преданности.

А. Жуков.

Открытое письмо Правлению Коломбельской казачьей станицы во Франции.

После моего от'езда из Парижа, кем-то стали распространяться слухи, что, якобы, я был выслан из Франции в административном порядке, что французская полиция выслала меня из пределов Республики по настоянию Донского Атамана генер. Богаевского.

Первоначально я не придавал этому значения. Мало-ли кто и какие сплетни распускает! Однако, убедившись, что здесь дело заключается не в простой сплетне, а в самом подлом и злостном шантаже, направленном против в. казаков, я и решил обратиться к Вам с настоящим письмом.

3-го мая с. г. казаки из Коломбеля сообщили мне, что правление Вашей станицы, во главе с атаманом Кузнецовым и его помощником г. Таганцевым, шантажирует казаков, пытаясь угрозами заставить их отказаться не только от общения с вольными казаками, но и от всяких даже разговоров на эти темы. Для большей „убедительности", члены правления показывают какое-то письмо и говорят: „Не ходите за полковником Жуковым, а то будет вам плохо... Вот ген. Богаевский нам пишет, что „Жуков уже схвачен полицией и спешно выслан из Франции". При этом казакам недвусмысленно дается понять, что, вот, мол, какая печальная участь ожидает последователей В. К.

Смею вас уверить, г. г. члены Правления, — что на чекистских методах ныне далеко не уедешь: мы, ведь, живем не в Совдепии, а в демократически-свободном государстве; такой своеобразной „тактикой" вы подложили себе и ген. Богаевскому большущую свинью. Удружили, что называется, до отказа. Во всяком случае на благодарность с его стороны не рассчитывайте. Это я вам говорю наверное. „Заставь дурака Богу молиться, гласит пословица, — он и лоб себе прошибет". Так оно и вышло.

Из Франции, где я прожил (в Париже) 9 лет без каких бы то ни было недоразумений с полицией, никто меня не выселял, тем более по чьим-то настояниям. „Настояния" „с а м о г о" ген. Богаевского для французских властей имеют не больше значения, чем „настояния" всякого другого эмигранта.

Выехал я самостоятельно и притом лишь временно, о чем свидетельствует, имеющаяся на моем паспорте, французская виза № 3097—7-IV-32, 4-е отд. Преф. Пол., с печатной надписью... „aller-retour... valable jusqu'au 7-4-1933" и в моей карт д'идантите — штемпель полицейского комиссара 15-го участка гор. Парижа (71, rue Fondary) с его же надписью о моем временном выезде. Вообще все мои документы в совершеннейшем порядке. Как видите, есть надежда еще встретиться с вами во Франции, если раньше того не попадем домой.

Итак, господа, будем по казачьи — говорить на чистоту: Зачем вы врете? И не стыдно ли вам будет, если мне, вашему политическому противнику, теперь приходится выступать на защиту ген. Богаевского от возводимой вами клеветы? Я не допускаю мысли, чтобы Атаман Всевеликого Войска Донского решился на такую низость, как явная ложь, порочащая честь и достоинство другого человека, хотя бы даже и неугодного ему. Во-первых, это — аморально, а во-вторых, по французским законам (чего не может не знать ген. Богаевский) подобные вещи строго караются денежным штрафом и тюрьмой.

Нет, господин Кузнецов, очевидно не Донской Атаман, а вы сами с госп. Таганцевым бессовестно лжете, пугая неосведомленных казаков наивными выдумками о репрессиях. Плохо, значит, у вас дело обстоит, коли решились на подобный трюк. Хороший атаман, убеждая своих казаков, не позволит себе прибегать к угрозам и ко лжи. Не казачье это дело!

Скажу прямо: если Вас обуревает власти зуд и Вы хотите вести за собою казаков, если считаете себя в состоянии опровергнуть фактами программу В. К., если, наконец, у вас достаточно прозорливости, ума и знаний, чтобы указать казакам лучший путь в политике и более совершенную программу его жизни, то зачем же тогда, спрашивается, так безбожно врать, да еще и угрожать?! Выступайте прямо и открыто, как делают вольные казаки, изложите перед всеми нами суть ваших мыслей и... дело будет сделано. Не только ваши станичники, но и мы все пойдем за Вами смело, раз Вы дадите что-то лучшее и более ценное, а угрожать... это уже явное свидетельство о „бедности": не могу привлечь людей правдивостью своей идеи, ну так буду силой загонять на свой базок.. Авось!... Неужели Вы считаете казаков глупыми телками, которых непременно следует тащить на мотузке и подгонять кнутом? Заблуждаетесь. Казаки умнее, чем Вы думаете; веревочка и кнут им совершенно не нужны; они отлично понимают — что для них плохо, а что хорошо. Казачество само разберется и пойдет по той дороге, какая ему будет по душе, по сердцу. Никакой кнут тут не поможет, даже тот, которым Вы пугаете, т. е. Войсковые Атаманы. Казаки — не крепостные мужики, а Атаман — не губернатор; атаманов избирают и сменяют казаки, вручая им не кнут, а булаву. Об этом Вам следовало бы помнить твердо. Наказных атаманов ныне нет, как бы некоторые не стремились ими стать.

Так вот, господин Кузнецов, теперь известно Вам, что я лишь временно уехал из Парижа, но еще не собирался умирать. Нельзя же на живого, как на мертвого, безнаказано валить всякую чушь и дребедень. Я жив и, протестуя, открыто перед казаками обвиняю Вас и вашего помощника Таганцева в гнусной, вороватой клевете. Если не согласны с этим — оправдайтесь. Не будьте столь трусливым, как это случилось с Вами на Дону во время восстания против большевиков (если забыли — я могу напомнить все детали). Не стесняйтесь, г. атаман, выплывайте на поверхность, чтобы все Вас видели и знали — каков Вы есть.

Покажите-ка подлинное письмо ген. Богаевского! Покажите его тем казакам, которых Вы имели наглость устрашать репрессиями со стороны Войскового Атамана и полиции. Пусть убедяться казаки воочию в Вашей правоте. Иначе будем Вас считать не только трусливеньким лжецом, но еще и просто подлецом.

В случае же (чего никак не допускаю), таковое письмо Донского Атамана в действительности существует и Вы его пред'явите, прошу все вышесказанное полностью отнести в адрес генер. Богаевского, которого к тому же я привлеку к ответственности за ложь и нанесение мне морального ущерба, возбудив через своего французского адвоката дело в Парижском суде (по месту моего и его постоянного жительства).

Шутки в сторону! Не надо играть в темную! Безнаказанности подобных „выступлений" раз и навсегда надо положить конец, чтобы впредь казаки не подвергались подлому шантажу со стороны тех, кто, кроме обмана, ничего лучшего им дать не может.

Надеюсь, моя мысль для Вас понятна. Ответа жду в течении одного месяца со дня напечатания настоящего письма. Молчание буду считать, как признание Вами своей вины. И поступлю в дальнейшем так, как того требует моя честь и мое достоинство.

Кубанского Войска полковник **Жуков.**

6-V-1932.

Адрес: Редакция журнала „В. К-во".

От ред. Помещая настоящее письмо, мы должны заявить, что вольных казаков еще ни-от-куда не выселяли, тем более из Франции. Подобным сплетням ни сейчас, ни в будущем не верьте. Весьма возможно, что наши противники будут и впредь прибегать к подобного рода „приемам" борьбы, но — знайте, что, сидя на месте, многого не сделаешь. Напротив, приходят времена, когда вольным казакам, особенно активным работникам в. к. движения придется очень много ездить...

В Шабаце.

(Письмо в редакцию).

М. Г. г-н Редактор! Не откажите в любезности поместить на страницах Вашего журнала продолжение письма, напечатанного в 99-м номере „ВК" под заглавием: „В Шабаце".

В кругу своих приятелей г. Константин Лепилкин, председатель русских инвалидов в Шабаце, разговаривая по поводу напечатанного в 99 номере „ВК", доказывал, что он не виноват и что на него напрасно льют грязь и т. д.

Действительно, после такой „грязи" не всякий был бы способен отмыться, но г. Лепилкину, видимо, не привыкать; сколько раз плевали ему в лицо, а ему все ничего; вытрется и продолжает свое дело и смотришь — опять его председателем переизбрали...

В феврале месяце с. г. г. Лепилкин опять избран председателем Шабацкого отдела русских инвалидов. Иначе и нельзя было; если кто попробовал бы выступить против этой кандидатуры, так в 24 часа вылетел бы из отдела инвалидов, на что г. Лепилкин имеет большой опыт, о чем свидетельствуют его не редкие поступки с тяжелыми инвалидами, с безногими и безрукими воинами, которых он бесцеремонно выбросил из Союза инвалидов, лишив их всех прав и привилегий, предоставляемых гостеприимным королевством Югославией. Все эти выброшенные инвалиды проживают в городе Шабаце или в его окрестностях. Все же нашлись люди, которые не побоялись г. Лепилкина и притянули его к суду, прилепив его таким образом к позорному столбу.

Окружной суд в Шабаце нашел, что г. Лепилкин виновен и Державный прокурор вынес постановление, что за разграбление чужого имущества г. Лепилкин предается суду. На решение прокурора г. Лепилкин подавал апелляционную жалобу, но и эта инстанция ходатайство Лепилкина отклонила и постановлением от 2 марта № 38 подтвердила решение прокурора.

По закону государства, в котором мы живем, такие лица, как Лепилкин, не только не могут быть избираемы на какие либо должности, но даже не имеют право голоса, как это водилось и у нас дома. Спрашивается: по какому закону г-на Лепилкина утверждает в его должности Центр. правление русских ратных инвалидов в Белграде? Это первое, а во-вторых, как у г. Лепилкина хватает совести занимать свою должность?...

30 марта. 1932 года. Шабац.

Павел Демин.

В Казакии.

Письмо с Дона (1-й Дон. окр.).

Дорогой братец и сестрица... Мы получили Ваше письмо 16 февраля и узнали о вашем здоровьи и благополучии на чужой стороне и возблагодарили Господа Бога. На каждое Ваше письмо мы посылаем Вам ответ, а как от вас не стало писем, то мы думали, что вас уже в живых нет. Желательно бы мне с вами увидеться, но не приходится, значит судьба наша такая. Хотите про нашу жизнь знать, но о ней трудно рассказать, а пером написать и вовсе невозможно. Здесь на хуторе родных у нас нет никого. Сестра... уехала далеко, только письмами отписываемся, а братец... ушел жить в..., но там ему жизнь не понравилась в колхозе и он пошел за Дон в коммуну; он ищет все лучшую жизнь, но и там ему не понравилось. Лучшей жизни не нашел и к родимой матушке пошел, так что не пришлось нам его и похоронить. Немного нас, родных, и живем мы все врозь.

Вы пишите, что как будто у нас жизнь плохая, так нет, у нас жизнь хорошая. Работаем мы в колхозе, не знаем ни дня, ни ночи. Нет ни одного дня отдыха. Народ почти весь раз'ехался по городам на производство, а у нас в колхозе столько было хлеба посеяно, что мы успели только скосить и свозить, а молотить начали зимою. Молотим, а хлеб следом забирают. Когда мы работаем, то открыта общая столовая. Нас записывают в табель, а при отчетном годе нас расчитают. Только приходиться нам по 2 с половиною фунта хлеба на день. У кого в семействе трудоспособных много, а детей мало, то они получают хлеба на пропитание на год, да деньгами копеек по 6. Мне за 280 дней припало хлеба 15 пудов, но его полностью не получила. Из других продуктов, кроме капусты и помидор, ничего не получили.

Стыдно сказать, но и грех утаить: что было — последнее доносили. Ходим мы — только грешное тело прикрыто. Штанами или юбкою стыдно назвать, латка на латке, а рубахи совсем нет. Кафтанишко еще держится, хотя, и одни рубцы, но все же на работу как нибудь пойдешь, башмаки ремнями постянуты. А холода невыносимые, народ обмораживается; а если на работу не пойдешь, товарищеским судом судят. Другим письмом мы вам все пропишем.

Прошу вас, дорогие... пришлите мне хоть какие нибудь обноски, а то мне и в школу ходить совестно. Я у почтальона спрашивала и он сказал, что посылки из за границы приходят...

По советским газетам.

... „Темпы весеннего сева продолжают оставаться неудовлетворительными“ читаем в „М.“ 16 апреля. Там же: „Первые итоги выезда в поле всех отделений Чеченского зерносовхоза показывают огромные простои тракторного парка, составляющие прямую угрозу своевременному окончанию сева.“

Там же: „Нет никаких оправданий снижению добычи угля“. — Значит, снижение есть.

17 апреля в „К. З.“: „По ударному драться за сжатые сроки сева! Темпы все еще медленные. Когда же наступит перелом на пригородном хозяйстве?“

18 апреля в „М.“ на „черной доске“: „Лабинский, Северский, Георгиевский районы безобразно ведут сев. Несмотря на это, районы не дали сводок. Майкопский район выполнил план только на 7%. Крымский район до сих пор не закончил сева колосовых“. „Темпы сева в Кубанском зерносовхозе остаются крайне низкими“.

20 апреля в „К. З.“: „Никакой пощады классовым врагам!“ Там же 22 апреля: „Сжать сроки повысить качество. По вине котельщика Байкулова паровоз 5020 ремонтировался подряд три раза“. „Паровозы — в кольце круговой безответственности. Краснодарское депо систематически не выполняет заданий по ремонту“.

„Черная доска“ „М.“ от 23 апреля: „Майкопский и Лабинский районы не выполнили еще и третьей части плана колосовых. Крымский район до сих пор не закончил сева колосовых. Георгиевский район выполнил план колосовых не многим более, чем на половину, пропустив несколько сроков. Срывают сев колосовых Прикумский и Моздокский районы“.

24 апреля „М.“ „гремит“: „Сокрушить кулацкое противодействие укреплению бригад — завоевать первомайскую победу в севе!“ — Интересно, что бы делали большевики, если бы не было на свете „кулаков“, на ком изливали бы свою злобу за свое собственное головотяпство?

25 апреля в „К. З.“: „Итоги первого месяца навигации по Кубани показывают, что... речной транспорт.. работает далеко неударными темпами“... „В апреле горпромышленность не сумела набрать большевицких темпов“.

26 апреля там же: „Крепче удар по демобилизационным настроениям!“ — Значит, демобилизационные настроения есть.

Там же: „Утроить темпы боронования и посадки“. „Дать больше продукции и лучшего качества!“

27 апреля в „К. З.“: „В Пашковской свернули борьбу за темпы сева. Ударный пятидневник сорван“...

„Целый ряд организаций и учреждений Краснодара забросили финансовую работу“...

В „М.“ 28 апреля: „Засеяна только половина площади колосовых“. Там же „черная доска“: „Майкопский, Лабинский, Белореченский районы попрежнему плетутся в хвосте всего края. Безобразно отстали Прикумский, Моздокский, Ессентукский, Минераловодский и Георгиевский районы“...

Поправка. В прошлом номере „В. К.“, в статье ес. Н. Посохова вместо „Махошинская“ читать: Махошевская.

Розыски.

Иван Сидорович БУДКО, ст. Приморско-Ахтарской, Таман. отд., розыскивает своего станичника Стефана Григорича ЧЕРНЯВСКОГО. Лиц, знающих его место нахождения, прошу сообщить по адресу: 2317 W. II Str Cleveland, Ohio. U. S. A. I. S. Boudko.

Bibliothèque Ukrainienne SIMON PETLURA à Paris. Адреса: 41, rue de la Tour d'Auvergne. Paris 9. Franse
В день смерти С. Петлюри — 25 травня — не забудьте, що в цей день Рада Бібліотеки кличе Вас, раз на рік, скласти свою датку на Бібліотеку. Гроші й рекомендовані листи треба слати на ім'я Бібліотеки або бібліотекаря:
Mr. I. Rudicev: 41, rue de la Tour d'Auvergne. Paris 9. France.

Нарід собі!

До українського громадянства всіх українських земель та закордону.

Українська Господарська Академія (м. Подебради в Чехах) розпочала вже десятий рік свого існування. Сталося так, що в цей ювілейний рік існування нашої одинокої в світі вільної української високої технічної школи буде рішатися також доля її, буде рішатися, чи спроможеться український нарід зберегти й забезпечит назавжди існування своєї національної політехніки, чи вистачить у українського громадянства завзятости, енергії та жертвенности, щоб єдиною лавою згромадитися навколо самодопомогової акції, яку Товариство Прихильників Української Господарської Академії нині розпочинає.

Творці Української Господарської Академії будували її з щирим завзяттям, з свідомістю того, що їм припадає щастя в найтяжчу для нації годину творити одну з важливіших підвалин її майбутнього відродження, осередок культурної творчости, місце для збереження старих і виховання нових сил для праці на Україні, для українського народу.

Захоплені красою тієї ідеальної будови, що її вони хотіливи творити, натхнені величним завданням, взялися вони за працю й уперто будували цеглина за цеглиною, не дивлячись на те, що сами були ніби для такого великого діла тоді ще не підготовлені, що досвіду бракувало, що матеріял був зовсім незвичайний, що засобів було замало, що взага и завтришний день був невідомий. І ту будову довели вони до кінця. Майже п'ятьсот українських інженерів, котрі одержали свою високу освіту в нашій Академії, на українській мові та в національнім оточенню, своєю практичною працею в Краю та на чужині наочно засвидчили високий рівень Академії, яко технічної і національної школи.

Українська Господарська Академія мала щастя розпочати свою велику працю в державі, найвищий Керівник якої розуміє наші стремління; Академії була забезпечена матеріяльна можливість розпочати це будівництво і повна свобода щодо його переведення. Так само й тепер Українська Господарська Академія користується прихильним відношениям вищих державних чинників Чехословацької Республіки. Це прихильне відношення мабуть ще в близчім часі виявиться в усуненні перешкод до відновлення прийому до Академії нових студентів. В Краю чекає на цю можливіст одержувати високу освіту у власній політехниці сотки молоді. Але ми не можемо розраховувати на те, щоб Чехословацька Держава погодилась і надалі нести повністю тягар матеріяльного утримування Академії, зокрема під сучасну господарську кризу.

Тепер цей тягар, принаймні в значній його частині, має перебрати на себе Українське громадянство. „Нарід собі!“ — хай буде нашим гаслом. На мільйони українських людей в Краю й поза його межами мусить знайтися три тисячи українських громадян, громад, сіпок, товариств, Просвіт, що зголосяться за члени Товариства Прихильників Української Господарської Академії й тим зобов'яжуться вносити кожного року на утримання нашої політехніки по десять долярів.

Один мільйон корон чеських, або тридцять тисяч долярів річно — це та сума, що уможливить забезпечити й надалі в дотеперішнім вигляді вільну високу українську господарсько-технічну школу — Українську Господарську Академію в Подебрадах.

Ректорат
Української Господарської Академії.
Товариство Прихильників
Української Господарської Академії.

Адреса: Společnost přátel Ukrajinské hospodářské akademie, Praha-Dejvice, 1506. Гроші посилати на конто E. Wyrowyj, Živnostenská banka, Praha, або на конто Е. Вировий, Земельний Банк Гіпотечний, Львів.

Открыта подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический

„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“

выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
Во Франции	40 фр.	70 фр.	4 фр.
В Югославии	60 дин.	100 дин.	6 дин.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	200 лей	300 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0·50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	3 долл.	0·20 долл.

Отдельные комплекты за 1930 и 1931 годы продаются: в Č. S. R. по 100 к. ч. за год, а заграницу — по 4 ам. доллара.

Подписную плату посылать по адресу: „Volné Kozáctvo“, Hradecká 2207, Praha-Vinohrady, Tchécoslovaquie.

Vydavatel: Ignat Bilyj. — Odpov. redaktor: Jaroslav Strohschneider. Novinová sazba povolena řed. p. a t. čís. 270532-VII.-1930. Tiskem knihtiskaře A. Fišera. Praha-Strašnice č. 289.